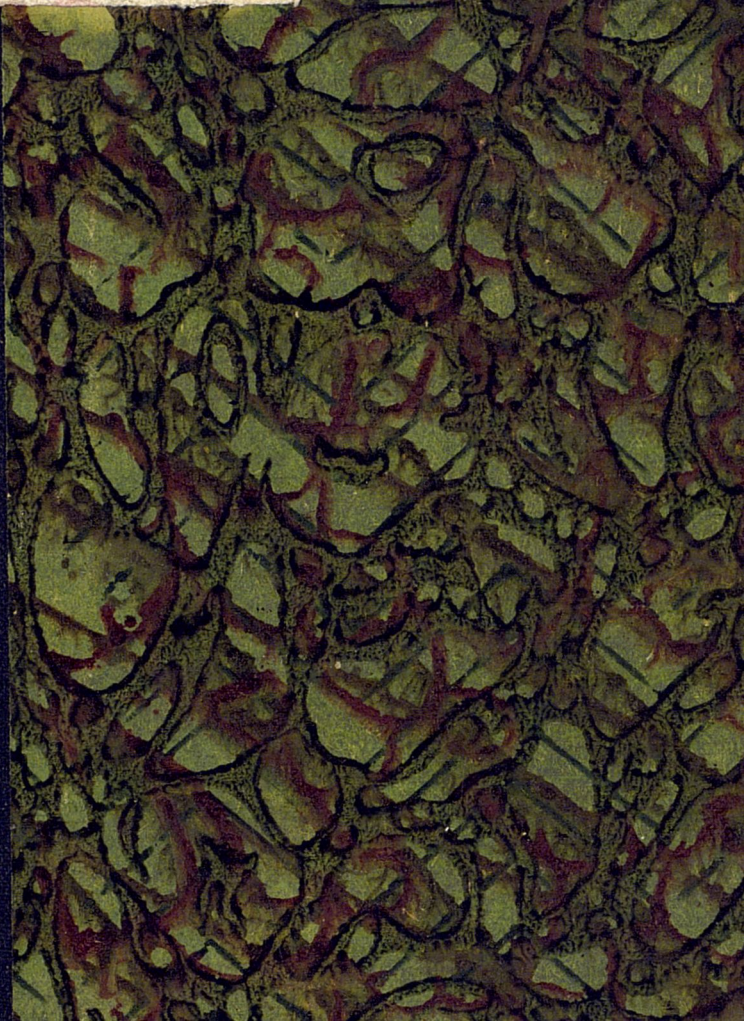
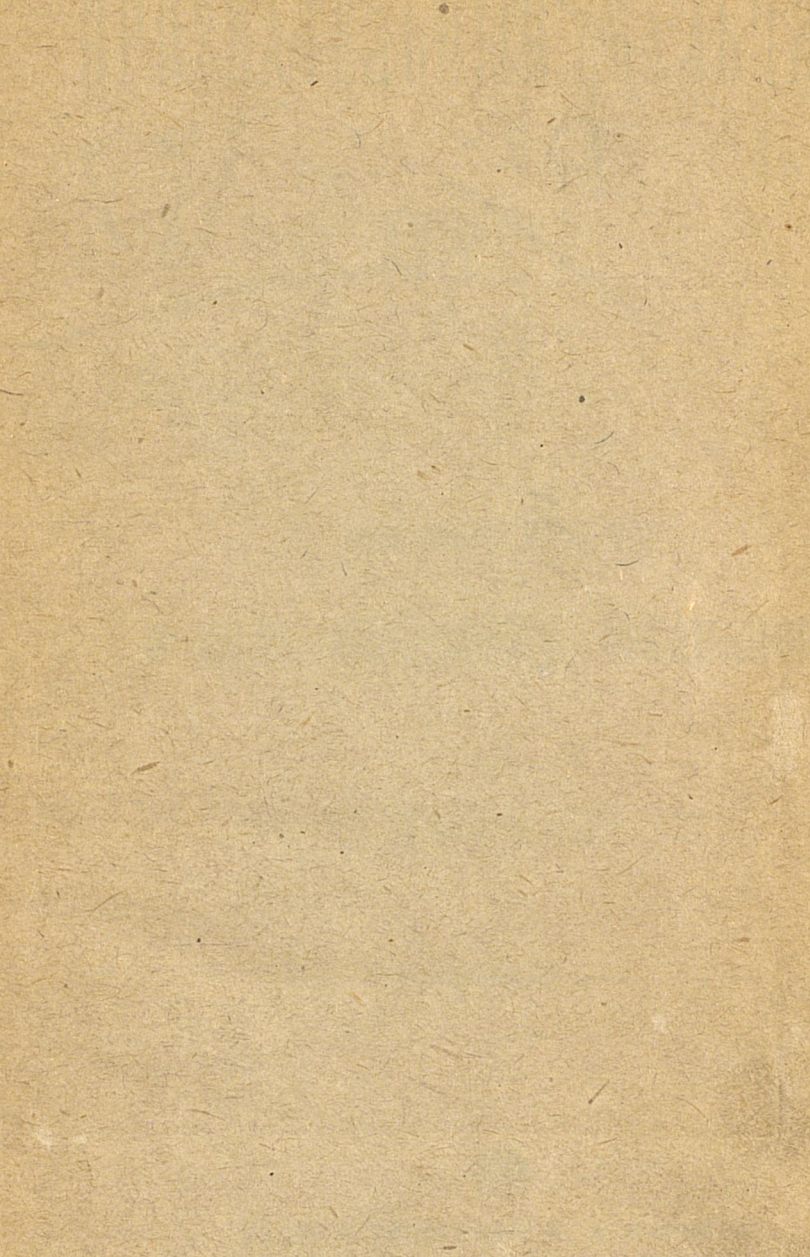
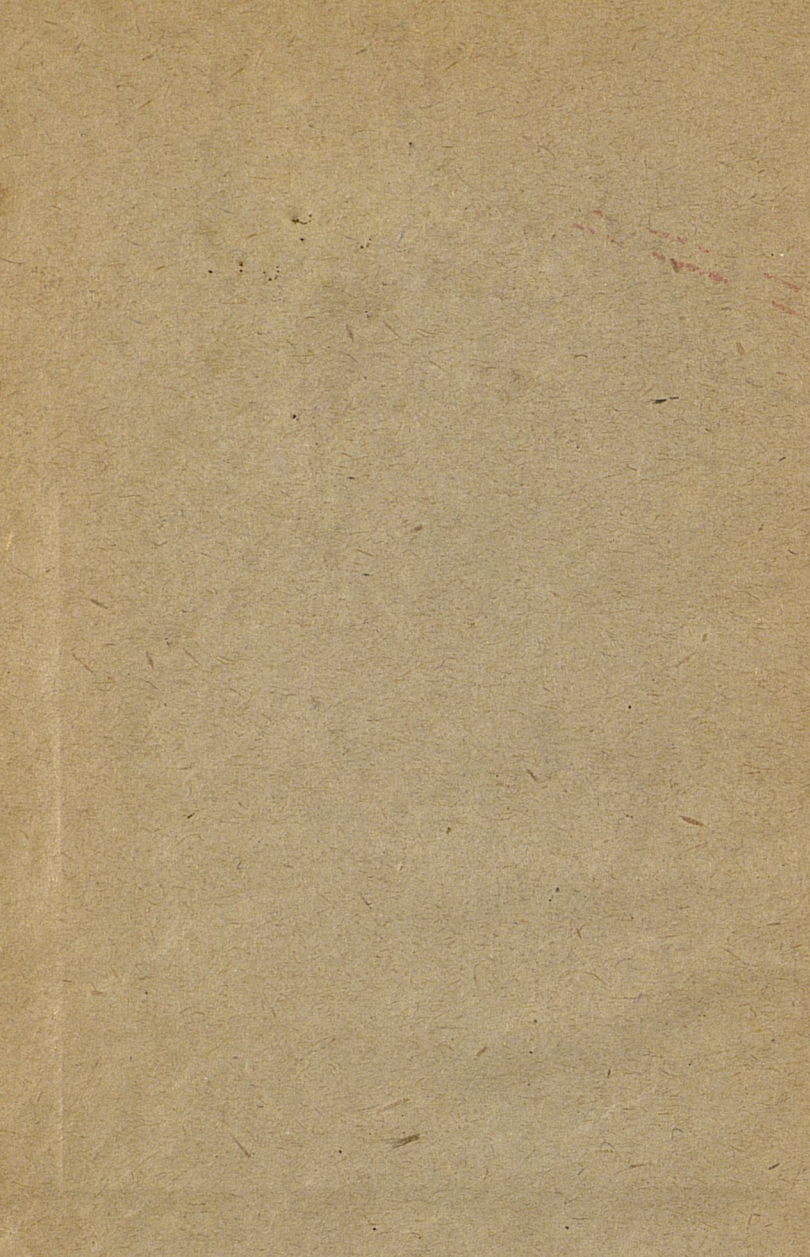

U $\frac{297}{5/3}$

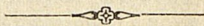

ПРИЗНАТЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

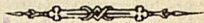
(Б Ы Л Ъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
О СЕЛѢ СПАССКОМЪ-ЛУТОВИНОВЪ

И

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

ИЗДАНИЕ ТИПОГРАФІИ А. А. КАРЦЕВА
Коммисіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія и Антропологін.
Москва. Покровка, д. Егорова.

1885.

(35)

(B P M P)

ИЗЪ ВЪСПОМЪНИИ

О СЪЛЪ СПАСКОМЪ-УЛЪВЪННОВЪ

1283-45

2010515728

Дозволено цензурою Москва, 16 Июля, 1885 г.

I.

„Дѣла давно минувшихъ дней“.

А. Пушкинъ.

Село Спасское-Лутовиново находится въ Орловской губерніи Мценскаго уѣзда (въ десяти верстахъ отъ Мценска), Кавергинской волости. Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, лѣтъ десяти-двѣнадцати, то слышалъ отъ стариковъ слѣдующее:

Жили два родные брата, Петръ и Иванъ Ивановичи Лутовиновы, предки коихъ служили еще при литовскихъ князьяхъ, владѣвшихъ нынѣшнею Бѣлоруссіей. Первый братъ былъ женатъ и имѣлъ некрасивую, но умную дочь, Варвару; второй былъ холостъ. Господскія усадьбы ихъ состояли при смежныхъ деревняхъ ихъ же имени, то-есть одна называлась сельцо Петровское, а другая—сельцо Ивановское. Обѣ усадьбы, Петровское и Ивановское, окружены были почти сплошными лиственными лѣсами, произраставшими на черноземной и черноземно-суглинистой плодородной почвѣ, перерѣзанной длинными и затлогими оврагами, изобилующими хорошею ключевою водою, впадающею въ притоки Оки, и пользовались здоровымъ климатомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Крестьянамъ было тогда полное и широкое раздолье: скотинкѣ ихъ всюду предоставлялись роскошные «незапретные» лѣсные луга и пастбища и обильный водопой, а пчелкамъ ихъ, разставленнымъ въ ульяхъ по огородамъ и лѣсамъ,—громадный сборъ меда со всюду растущихъ медоносныхъ

цвѣтовъ, травы, липъ и другихъ деревьевъ въ лутовинскихъ лугахъ и лѣсахъ. Сами Лутовиновы любили и требовали, чтобъ у крестьянъ были въ достаткѣ скотъ, птица, пчелы, сады, огороды и вообще домашній крестьянскій обиходъ. Мало этого, Петръ Ивановичъ научилъ крестьянъ прививать садовыя яблони и груши къ такимъ же лѣснымъ деревцамъ, и результатомъ этого было то, что «Чаплыгинскій» лѣсъ, среди вѣсковыхъ дубовъ, ясеней, кленовъ и липъ, представлялъ такъ-сказать фруктовый садъ, плоды коего доставалось пробовать не разъ и пишущему эти строки. Пришлось мнѣ, какъ ребенку, пользоваться и другими лѣсными произведеніями, какъ-то: орѣхами, земляникой, малиной, смородиной, калиной, рябиной, черемухой, грибами, начиная со сморчковъ да боровиковъ, и даже «дикимъ» бортевымъ медомъ пчелъ. Словомъ, лѣса не были тогда пусты и однообразны, какъ бывають они на иныхъ мѣстахъ песчаныхъ и глинистыхъ, покрытыхъ сумрачными и угрюмыми елями или соснами. Въ Лутовинскихъ лѣсахъ было изъ чего выбрать любой матеріалъ для строеній господскихъ и крестьянскихъ, для машинъ, экипажей, мебели, земледѣльческихъ орудій и прочей домашней надобности... Подойдешь, бывало, напримѣръ, къ ясеню и видишь стволъ его, имѣющій 10—12 аршинъ въ окружности, весь гладкій, какъ бы никогда не имѣлъ на себѣ сучьевъ, до самой верхушки, будто въ облака ушедшей; а около него, подъ вершиною, растутъ клены, вязы, лещина, вся унизанная, какъ хмѣлемъ, желтыми въ граняхъ орѣхами, выщелушиваемыми бѣлкою, или раскинувшаяся въ орѣшникѣ яблоня съ выспѣвающими плодами аркада и пр. и пр. Раздолье было также въ лѣсахъ волкамъ, лисицамъ, зайцамъ и птицамъ: дроз-

дамъ, вальдшнепамъ, куропаткамъ, уткамъ, кулика-
камъ, дупелямъ и пр. Отъ снѣга и до снѣга лѣса
питали всѣхъ: ни охотнику, ни другому кому не при-
ходилось возвращаться домой съ пустыми руками.
Хорошо было основано *дворянское имѣдо!*

Петръ Ивановичъ и жена его скончались раньше
Ивана Ивановича, оставивъ, какъ выше сказано,
послѣ себя наслѣдницею дочь, Варвару Петровну,
которая впослѣдствіи, кромѣ части родительскихъ
имѣній, получила и наслѣдство дяди, Ивана Ивано-
вича. Сдѣлавшись такимъ образомъ богатою невѣ-
стой, Варвара Петровна выбрала сама себѣ жениха-
красавца изъ рода Тургеневыхъ, кирасирскаго пол-
ковника Сергѣя Николаевича, родовое имѣніе кото-
раго *) находилось въ восьми верстахъ отъ Петров-
скаго. Сергѣй Николаевичъ, женившись на Варварѣ
Петровнѣ Лутовиновой, оставилъ военную службу и
предался удовольствіямъ сельской и столичной жиз-
ни, путешествуя, впрочемъ изрѣдка, за-границей.
Но жизнь его была непродолжительна: онъ скоро
умеръ, при вторичной операціи вслѣдствіе каменной
болѣзни, оставивъ послѣ себя трехъ сыновей: Нико-
лая, Ивана и Сергѣя, изъ которыхъ послѣдній умеръ
восемнадцати лѣтъ отъ эпилепсіи; второй, заслуживъ
первый гражданскій чинъ коллежскаго секретаря,
отдался литературѣ и пріобрѣлъ всемірную извѣст-
ность, а первый умеръ въ селѣ Тургеневѣ, ничѣмъ
особенно не проявивъ своей личности.

Оставшись вдовою, Варвара Петровна присоеди-
нила къ Лутовиновскимъ имѣніямъ и Тургеневскія му-
жа своего, такъ что состояніе ея доходило до пяти
тысячъ душъ крестьянъ и до ста тысячъ десятинъ

*) Село Тургенско.

населенной и ненаселенной (преимущественно черноземной) земли въ уѣздахъ Орловской, Тульской, Тамбовской, Курской и Калужской губерній. Владѣя большимъ природнымъ умомъ и свѣтскимъ образованіемъ, Варвара Петровна распоряжалась имѣніями сама, и если имѣла управляющихъ, то лишь для «формы» и то изъ «кровныхъ» дворянъ, каковъ былъ, наиримѣръ, деверь ея, Николай Николаевичъ Тургеневъ, отставной гвардіи штабъ-ротмистръ.

III.

Но возвращусь къ усадьбамъ Лутовиновыхъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ видѣ я сталъ помнить ихъ съ сороковыхъ годовъ.

Родился я въ несчастный день *1 марта* 1841 года, въ селѣ Петровскомъ, которымъ распоряжалась уже Варвара Петровна. О томъ, что 1841 годъ былъ тяжелымъ голоднымъ годомъ, служившимъ продолженіемъ минувшаго 1840 года, рассказала мнѣ потомъ мать моя, крѣпостная владѣлицы Петровскаго, приказавшей отпустить полпуда ржаной и одинъ пудъ овсяной муки на мои крестины. Затѣмъ, благодаря щедротамъ Лутовиновской природы, лѣсовъ и полей, я выросъ незамѣтно до семи лѣтъ, составившихъ такъ сказать мою собственную эру. Я былъ опредѣленъ, въ числѣ другихъ мальчиковъ, въ сельское училище для обученія грамотѣ и церковному нотному пѣнію, такъ какъ Спасская церковь устроена съ хорами, а Варвара Петровна любила слушать обѣдно не иначе, какъ при пѣніи хора обученныхъ пѣвчихъ. Это воспитаніе мое началось зимой съ 1847 на 1848 годъ. Ученіе шло своимъ чередомъ и, между прочимъ, основательница училища заѣзжала экзаменовать учащихся. Придуманы были, не знаю кѣмъ, кругленькія дощечки,

величиной въ большую серебряную медаль, подобную раздаваемой Министерством Государственных Имуществъ за образцовые молочные продукты; дощечки, окрашенные охрой, съ бѣлою тесемкой или бумажнымъ шнуркомъ надѣвались на шею каждаго ученика, какъ теперь мировые судьи надѣваютъ свои цѣпи. На каждой дощечкѣ былъ написанъ голландскою сажей нумеръ, начиная съ перваго до послѣдняго ученика. Къ концу учебнаго года, къ веснѣ, на меня надѣтъ былъ № 1-й, обратившій на меня вниманіе Варвары Петровны, которая пожелала лично проэкзаменовать меня изъ пройденнаго. Отвѣтами я привелъ ее въ восторгъ, и она увезла меня, въ учебномъ костюмѣ съ ярлыкомъ, въ Спасское на «показъ всей окружающей ея «свитѣ», «дворнѣ» и воспитанницамъ», обучавшимся подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Испытанія на этотъ разъ окончились тѣмъ, что мнѣ надавали пропастъ гостинцевъ и отправили назадъ къ моей матери. «А это отдай матери гостинецъ за то, что ты хорошо учишься», сказала Варвара Петровна. Гостинецъ состоялъ главнымъ образомъ изъ полтинника денегъ, бѣлой (домашняго печенья) булки и фунтовой коробки кондитерскаго печенья. Съ тѣхъ поръ изъ церкви я обязательно долженъ былъ заходить въ господскій домъ за гостинцами къ Варварѣ Петровнѣ и цѣловать ея руку. Помню также какъ одинъ разъ, и это былъ послѣдній разъ, Варвара Петровна пріѣзжала со своими «прирученными» *) барынями и барышнями на Петровское собирать ягоды для варенья, и какъ много разныхъ ягодъ надавали мнѣ, а Варвара Петровна еще разъ велѣла

*) Такъ называли бѣдныхъ дворянокъ, жившихъ при владѣльцѣ на полномъ ея иждивеніи.

отдать ихъ въ подарокъ моей матери. Говорю: въ послѣдній разъ, потому что осенью, въ октябрѣ 1849 года, послѣ всей хлѣбной уборки, Варвара Петровна, разстроенная и больная, уѣхала въ Москву и уже не вернулась въ Спасское: она скончалась въ домѣ Ложкова, на Остоженкѣ, зимой 1850 года, и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

Вѣсть о смерти всѣми любимой «барыни» Варвары Петровны глубоко поразила ея крестьянъ, прирученныхъ, а также и родныхъ сыновей, съ которыми она, умирая, даже не простилась. Съ Николаемъ Сергѣевичемъ не простилась будто бы потому, что онъ, вопреки ея желанію, женился на «прирученной» Аннѣ Яковлевнѣ, бывшей ея камеръ-фрейлинѣ, а съ Иваномъ Сергѣевичемъ за то, что онъ будто бы не почиталъ ее, какъ слѣдовало почитать любящую мать, и даже описалъ всѣ ея капризы и привычки въ стихахъ, подъ заглавіемъ *Параша*.

— Представьте, мамаша надавала собственноручно пропастъ пощечинъ Аннѣ Яковлевнѣ и требуетъ, чтобъ я цѣловалъ ея руку.... Разумѣется я не сталъ и объявилъ, что положительно не могу... И мамаша за это готова не только сказать, но и доказать, что я ей не сынъ и не Лутовиновскій потомокъ!.. такъ говорилъ однажды Иванъ Сергѣевичъ въ бесѣдѣ съ избраннымъ кружкомъ.

III.

Итакъ, я зналъ Спасское-Лутовиново въ составѣ трехъ селеній: сельца Петровскаго, сельца Ивановскаго и слободки Никольской, да каменной церкви, построенной владѣльцемъ села Ивановскаго, Иваномъ Ивановичемъ Лутовиновымъ, во имя Спаса Преображенія Господня, съ придѣломъ во имя Св. мученика

Никиты, и наконецъ Поповской слободы, невдалекѣ отъ церкви, да господской усадьбы, также расположенной близъ церкви, въ общей съ нею оградѣ. Современники Лутовиновыхъ говорили, что вскорѣ послѣ устройства церкви и при ней новой Спасской усадьбы, самъ строитель, Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ, умеръ скоропостижно ударомъ, вслѣдствіе засѣвшаго въ дыхательное горло орѣховога зерна, и былъ похороненъ близъ церкви въ фамильномъ склепѣ, надъ которымъ устроена имъ же самимъ при жизни каменная часовня. Кончина его послѣдовала вскорѣ по вступленіи въ Москву Наполеона I. «Послѣ ужина Иванъ Ивановичъ со своими гостями сидѣлъ на балконѣ (Спасскаго дома), ѣлъ поданные фрукты и орѣхи; разговаривая о французахъ, онъ вдругъ запнулся, заикалъ, судорожно замычалъ, побагровѣлъ, посинѣлъ и грохнулся на полъ. Кинулись поднимать—смотреть, а онъ уже и Богу душу отдалъ!» говорила ключница Ольга Семеновна, мать камердинера и конторщика Варвары Петровны, Ѳедора Лобанова...

Сельцо Петровское расположено было прямою линіею, идущею съ востока на западъ, при большомъ ключевомъ Петровскомъ прудѣ, устроенномъ на оврагѣ, впадающемъ въ большой Спасскій прудъ. Границы Петровскаго были слѣдующія: съ южной стороны—Петровскій прудъ, къ западу—прудъ-сажалка, впадающій въ Петровскій прудъ, къ сѣверу—усадьбы петровскихъ крестьянъ и къ востоку—ихъ выгонъ. Такимъ образомъ, предъ фасадомъ господскаго Петровскаго дома открывался видъ Спасской церкви, отстоящей въ полуверстѣ, съ господскою же Спасскою усадьбой и садомъ-паркомъ, въ которомъ красовались стройныя группы хвойныхъ, высокихъ елей, сосенъ, пихтъ и лиственницъ. Старики помнятъ, какъ

Иванъ Ивановичъ, изъ Ивановскаго парка, пересаживалъ эти породы деревъ на вновь устроенную въ березовой рощѣ Спасскую усадьбу и какъ при этомъ были устроены перевозочныя снасти, чтобы выкопанныя деревья со стуломъ, пудовъ въ полтораста, земли, были перевозимы не иначе, какъ въ вертикальномъ положеніи всего саженца. «Много, много было хлопотъ и трудовъ! говорили они, а все нашему барину было по силамъ!..» При Петровской усадьбѣ засталъ я фруктовый садъ и липовый паркъ, съ нѣсколькими, около сажалки, еловыми и сосновыми аллеями, и большой, длинный, крытый тесомъ, дѣмъ, въ коемъ была рождена и выращена Варвара Петровна и который уже при мнѣ служилъ пріютною фермой для бѣдныхъ дворянокъ и имѣлъ вывѣску съ надписью: «Давящаго рука да не оскудѣваетъ!» Много помѣщалось бѣдныхъ, старыхъ и не очень старыхъ дворянокъ въ этой пріютной фермѣ, на полномъ иждивеніи учредительницы, которою и было придумываемо соотвѣтственное для всѣхъ «дворянское» занятіе, именно: вязали чулки въ запасъ, плели кружева въ запасъ, вышивали шелкомъ и гарусомъ ковры, подушки, шили женскія платья для себя, варили различное варенье, солили и мариновали фрукты и грибы и пр. и пр. Боже, чего только въ этой женской дворянской «обители» не приготавливалось и не припасалось! Однихъ опенковъ на сушку подвозили цѣлыми возами. Далѣе, при этомъ же флигелѣ, въ особомъ отдѣленіи, помѣщалась такъ-называемая портретная галерея, стѣны которой буквально увѣшаны были фамильными портретами, писанными на полотнѣ масляными красками и вставленными въ позолоченныя рамы. Самые портреты казались какъ бы живыми существами, будто съ того свѣта вставшими для наблюденія за живыми;

и дѣйствительно, ночью, при лунномъ свѣтѣ, безъ чувства робости и содраганія нервовъ невозможно было пройти мимо портретовъ. За портретною галлереей, въ томъ же домѣ, который я называю флигелемъ, помѣщались еще училище и аптека. Домъ этотъ, отъ ступеней параднаго крыльца, составлявшаго балконъ, украшался кустарнымъ цвѣтникомъ изъ каприфолій, сирени, таволги (рябинолистной и сливолистной), шиповника и другихъ растений. Въ центрѣ этого круга росли каштаны, плоды которыхъ хорошо вызрѣвали въ мѣстномъ орловскомъ климатѣ. Въѣздная же и выѣздная, отъ параднаго крыльца, дороги окаймлялись работками махровыхъ зимующихъ розъ, а самая площадка предъ домомъ состояла изъ фигурныхъ клумбъ, усаженныхъ многолѣтними и однолѣтними цвѣтами, тюльпанами, лиліями, левкоями, мальвами, маргаритками, резедой и пр. Всѣ цвѣточные растенія выращивались въ спасскихъ оранжереяхъ и теплицахъ. Затѣмъ, не вдалекѣ отъ пріютной фермы, за кустарнымъ цвѣтникомъ, находился другой, такой же величины, крытый тесомъ флигель, въ которомъ помѣщались: богадѣльня, больница съ подраздѣленіями на покои, смотря по сорту призрѣваемыхъ и больныхъ, а также и по роду болѣзни, начиная отъ простудныхъ, лихорадки и горячки, до умалишенныхъ и совершенно бѣшенныхъ людей. При больницѣ же и богадѣльнѣ, въ особыхъ отдѣленіяхъ, помѣщались врачъ и фельдшера. Потомъ, невдалекѣ же отъ перваго флигеля или пріютной фермы, чрезъ дворъ, стояло еще большое, деревянное, крытое соломой зданіе, въ которомъ помѣщались живописцы, маляры, обойщики и ихъ мастерскія. Къ сказаннымъ строеніямъ слѣдуетъ добавить ледникъ, погребъ, подвалъ и большое помѣщеніе для домашнихъ животныхъ, содержимыхъ служащими

людьми. Фруктовый садъ и паркъ, со стороны деревни и крестьянскаго выгона, были огорожены плетнемъ изъ хвороста и кольевъ и деревяннымъ, досчатымъ частоколомъ, устроенными на земляномъ валу, у глубокой и широкой (четырехъ аршинъ ширины) канавы. По валу росли громадныя ракиты, которыхъ сучья и вѣтви, наклоняясь къ деревнѣ на дорогу, давали пѣшеходамъ и проѣзжающимъ прохладную тѣнь. Колодцевъ хорошей чистой воды было два: одинъ для крестьянъ, въ концѣ деревни (на пути въ Кальну и Голоплеки), при ключѣ, впадающемъ въ сажалку, а другой для господской усадьбы, на крестьянскомъ выгонѣ, при большомъ постояломъ дворѣ, гдѣ жили семейства кузнецовъ, слесарей и столяровъ. Въ то время, къ которому относятся настоящія строки (1849 годъ), вблизи Петровскаго еще не было ни Московско-Курскаго шоссе, ни, того же названія, желѣзной дороги, а потому весь кратчайшій транзитный путь, отъ Черни на Мценскъ, проложенъ былъ чрезъ Петровское или Спасское. Такъ въ 1853 и 1854 годахъ, помню, здѣсь много прослѣдовало въ Крымъ пѣшаго войска и казаковъ на лошадяхъ. Большая дорога отъ Петровскаго и Ивановскаго была окопана глубокими канавами вплоть до большаго спасскаго пруда и обсажена, по валу канавы, частыми ракитами, на которыхъ, по волѣ Варвары Петровны, развѣшивались на мочалкахъ, испеченные изъ ржаной муки и паточной сыты, жаворонки для крестьянскихъ дѣтей въ день 9 марта на «Сорокъ сороковъ».

При сельцѣ же Петровскомъ расположено было и село Ивановское, «коренная» усадьба И. И. Лутвинова, съ основанія Спасскаго утратившая названіе сельца и сдѣлавшаяся просто деревнею, расположенною при Ивановскомъ прудѣ на оврагѣ, впадающемъ

въ большой Орнавичный оврагъ, ниже Спасскаго пруда. Ивановское съ Петровскимъ соединялись подъ прямымъ угломъ, обращеннымъ своею вершиной къ Спасской церкви. Площадь этого прямого треугольника составляли огороды и конопляники Ивановскихъ и Петровскихъ крестьянъ; противъ катетовъ лежалъ ихъ выгонъ, а за гипотенузой открывалось смежное господское (Ивановское) поле изъ черноземной какъ уголь почвы, на которой воздѣлывали въ экономію картофель, пшеницу, рѣпу, макъ, рожь, овесъ, просо, гречу и пр. На Ивановскомъ полѣ, какъ бы живые свидѣтели существованія господской Лутовинской усадьбы, смежной съ листовеннымъ лѣсомъ «Чаплыгинымъ», упомянутымъ въ *Запискахъ Охотника*, росли и были видны оставшіяся отъ пересадки старыя ели, да большая куртина колючаго терновника, обсаждаемаго кругомъ хлѣбомъ. Сохранились также канавы, служившія оградой Ивановскихъ дома, сада и парка; виденъ и прудъ предъ бывшею усадьбой, но уже безъ воды и весь занесенный съ пахотныхъ полей и огородовъ иломъ и навозомъ и поросшій болотною осокой, тростникомъ и даже репейникомъ. Не могу здѣсь не упомянуть о трехъ, изъ числа оставшихся, еляхъ, вызывавшихъ у меня въ дѣтствѣ невеселое настроеніе духа, когда приходилось быть или проходить около нихъ. Ели эти росли купною одна близъ другой, въ сорока аршинахъ отъ заиленнаго пруда, были стройны какъ пальмы и такъ высоки, что вершины ихъ, подобно маякамъ, видны были на горизонтѣ за шестьдесятъ верстъ отъ Ивановскаго, на примѣръ изъ Орла. Старожилы говорятъ, что эти ели посажены при основаніи Ивановской усадьбы, находившейся прежде въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, а затѣмъ дожили до

крестьянской эманципации. Весной 1847 года одна из елей повалилась отъ бури по направленію къ пруду и, опершись на валъ канавы, у самого перелаза, лежала такъ долгое время, образуя своею вершиной забавныя качели для маленькихъ дѣтей. Случилось при этомъ однакожь такое несчастіе: дѣти однажды такъ раскачали вершину, что ель вдругъ скатилась на перелазъ и двоихъ изъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, захлестнула вершиной моментально до смерти. Когда Н. Н. Тургеневъ, обращая упавшую ель въ пчелиныя ульи для Чапыгинской пасѣки, опредѣлилъ ея возрастъ, то нашелъ, что она имѣла девяносто три круга древеснаго прироста и толщину въ окружности $10\frac{1}{2}$ аршинъ, при первомъ отрѣзѣ у пня, и древесина ея была еще совершенно здоровою и смолистою. Картина Ивановской мѣстности художественно изображена И. С. Тургеневымъ въ его повѣсти *Рудинъ*, именно въ тотъ моментъ, когда влюбленная героиня выходитъ на тайное и рѣшительное свиданіе. Заканчивая краткое описаніе Ивановскаго, я упомяну здѣсь еще о томъ, что оно лежитъ при двухъ живописныхъ оврагахъ: Кленахъ и Ивановской вершинѣ, вмѣстѣ соединяющихся и составляющихъ большой Чапыгинскій оврагъ. Этотъ послѣдній принимаетъ въ себя съ правой стороны оврагъ Грушки и Яблоновой, а съ лѣвой небольшіе Чапыгинскіе овраги, по которымъ расположены смѣшанныхъ породъ высокоствольные и низкоствольные листовенные лѣса: Чапыгинъ и Заказъ *), и дойдя до оврага Малинникъ, круто поворачиваетъ налѣво, у Высокой горы, при деревняхъ Рябой и Вязов-

*) Заказъ произошелъ, на бывшемъ нахотномъ полѣ, отъ „самосѣва“ изъ березовыхъ сѣмянъ и извѣстенъ подъ этимъ названіемъ, какъ березовый лѣсъ сплошнаго насажденія березы, на 150 дес.

нахъ, проходить между сплошными Лутовиновскими лѣсами: Высокое (съ правой стороны) и Заказомъ, Чаплыгинъ и Трацкое (съ лѣвой стороны), и впадаетъ въ рѣчку Кальну, ниже Бѣжина луга, извѣстнаго читателямъ *Записокъ Охотника* и впоследствии доставшагося Николаю Сергѣевичу Тургеневу. Въ Чаплыгинскомъ лѣсу помѣщалась довольно большая пасѣка, на 1.000 колодъ пчель, обсаженная крутомъ, въ видѣ живой изгороди, елями, и при ней соответственныя строенія для пчель и пчеловода съ плодовымъ садомъ и колодцемъ. Въ лѣсу же Высокое помѣщались лѣсная сторожка и домикъ егеря Афанасія съ пристройками для помѣщенія тончихъ собакъ Ивана Сергѣевича.

Слободка Никольская населена Сергѣемъ Николаевичемъ, въ честь первенца-сына Николая, переселенными лутовиновскими и тургеневскими крестьянами, преимущественно изъ имѣній Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи. Поселена она, что называется, на «тычкѣ», на самой границѣ съ чужими владѣніями, именно: съ сельцомъ Чертовымъ, гг. Чертовыхъ, сельцомъ Губаревымъ (фамилію владѣльца не помню) и др. Про владѣльца послѣдняго имѣнія (кажется, Туляниновъ) существуетъ народная легенда о его службѣ у Варвары Петровны въ качествѣ главнаго управляющаго Спасскою вотчиной. «Крестьянская баба, по словамъ легенды, часто подвергавшаяся наказанію розгами и кнутомъ, рѣшилась убить «главнаго управителя» и дѣйствительно убила толкачемъ въ голову съ двухъ разъ, сначала оглушила его ѣхавшаго на дрожкахъ изъ Чаплыгина, а потомъ рано на зарѣ было уползшаго нашла по слѣду и, добивъ, закопала у Ивановскаго пруда, такъ что послѣ и не догадались куда дѣлся главный управитель...» Мѣ-

сто это и теперь показывают крестьяне, и оно находится вблизи Ивановскаго пруда, при трехъ выше-сказанныхъ елкахъ. Поселеніе Никольской слободки имѣло еще цѣлью охраненіе лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ, для чего и поселены были въ Никольскомъ бурмистръ, староста, десятскіе и лѣсники, такъ какъ крестьяне окрестныхъ деревень неминуемо должны были проѣзжать на Мценскъ чрезъ Никольское, гдѣ въ одну общую проѣздную дорогу сливались всѣ проселки изъ деревень Петровскаго, Ивановскаго, Голоплекъ, Кальны и др.

Спасскія *церковь и усадьба*, основанныя Иваномъ Ивановичемъ при Орнавичномъ и впадающемъ въ него Петровскомъ оврагахъ и при большомъ Спасскомъ прудѣ, расположены въ березовой роцѣ на пространствѣ до тридцати десятинъ. Самая усадьба, выстроенная противъ церкви, имѣла форму полукруга, въ видѣ простой (отлогой) подковы, причемъ господскій двухъэтажный, простроенный изъ дуба, домъ занималъ мѣсто средняго шипа, отъ котораго въ обѣ стороны шли изогнутыя кирпичныя стѣны, составлявшія крытый теплый проходной корридоръ къ двумъ конечнымъ шипамъ, то-есть домамъ построеннымъ въ полтора этажа каждый или, какъ говорятъ, домамъ съ мезонинами. На правомъ крылѣ въ домѣ помещалась Спасская или вотчинная контора, а въ лѣвомъ—домъ для гостей или для пріѣзжающихъ. За лѣвымъ крыломъ,—такъ я называю корридоръ съ крайнимъ домомъ — невдалекѣ отъ дома расположились кладовыя, винныя подвалы, погреба, ледники, а за ними еще дальше, сажень на полтораста, поселена была «дворня», состоявшая семействъ изъ шестидесяти и обязанная, отъ стара до мала, нести господскую службу во всѣхъ ея видахъ. Тутъ были: слесаря, кузнецы,

столяры, садовники, повара, ключники, землемѣры, юристы, конторщики, писаря, портные, сапожники, башмачники, обойщики, живописцы, маляры, каретники, музыканты, пѣвчіе и пр. Позади господскаго дома и всего лѣваго крыла насаженъ былъ паркъ изъ липъ, тополей, рябины и цвѣточныхъ кустарниковъ, кромѣ вышесказанныхъ хвойныхъ деревьевъ. Были также разбиты передъ домомъ и позади дома огромные цвѣтники разныхъ формъ и видовъ. Существовали цѣлыя аллеи изъ однѣхъ махровыхъ душистыхъ розъ, цвѣты коихъ употреблялись даже на добываніе розовой воды посредствомъ перегоночнаго куба. Въ центрѣ липоваго и березоваго парка не вдалекѣ отъ Спасскаго пруда, устроены были двѣ большія каменные оранжереи; кромѣ тропическихъ растений, находились деревья грунтовыхъ абрикосовъ, персиковъ, сливъ и виноградныя лозы, а затѣмъ при оранжереяхъ — теплица для ананасовъ. Противъ оранжерей заложены были, на триста рамъ, парники для арбузовъ, дынь, огурцовъ, спаржи, артишоковъ, салата, редиса и пр. Вся площадь, десятины въ три противъ оранжерей и теплицы, была засажена ягодными кустами смородины, крыжевника, малины, куманики, также разныхъ сортовъ. Тутъ же были подѣланы гряды для выращиванья разныхъ душистыхъ, пряныхъ и аптекарскихъ травъ, какъ-то: шалфея, иссопа, руты и пр., и наконецъ гряды для воспитанія молодыхъ прививковъ яблонь и грушъ, составлявшихъ садовую «школу». Видѣлъ я не разъ какъ спѣлыя кисти рябины привлекали къ себѣ несмѣтное количество сѣрыхъ дроздовъ, за которыми охотился Иванъ Сергѣевичъ въ осенніе дни, когда поля станутъ пусты, а съ березъ валяются на земь пожелтѣвшіе листья.

Но тутъ извините маленькое отступленіе отъ опи-

санія всей усадьбы. Мнѣ не суждено было знать ее въ томъ видѣ, какъ она была распланирована и устроена самимъ Иваномъ Ивановичемъ. Случилось, разсказываютъ, маленькое обстоятельство, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ громадный пожаръ, отъ котораго сгорѣла вся дворня и лѣвое крыло съ господскимъ домомъ. Жена ткача, въ силу повѣрья, стала окуривать отелившуюся свою корову «отъ дурного глаза» чертополохомъ и окуривая заронила въ подстилку уголекъ. Не успѣли сѣсть за столъ, чтобы «дать молитву коровѣ», или «обмолитвить ее», какъ раздались крики: «Пожаръ, пожаръ!» Изъ коровника ткачихи пламя вырвалось и быстро распространилось по строеніямъ всей обширной дворни, а уже съ дворни вѣтромъ его перекинуло и на господскія строенія у лѣваго крыла и на самый домъ. Время было весеннее, сухое, крыши тесовыя, и пламя не позволило приступить ко спасенію имущества. Варвара Петровна, разсказываютъ, въ чемъ была, въ томъ и уѣхала въ Петровское и оттуда смотрѣла на ужасающую картину пожара, съ котораго по вѣтру несло на Петровское искры и пылающую въ воздухѣ щепу... «А гдѣ и цѣла ли Варя?» только и спрашивала она тревожно про маленькую свою воспитанницу. Послѣ пожара, сгорѣвшія строенія не возобновились и дворня была размѣщена въ строеніяхъ, находившихся по правую сторону господскаго дома и на Петровскомъ, а самое мѣсто, гдѣ былъ домъ съ подвалами, пошло подъ цвѣтники и домашній огородъ. Такимъ образомъ, домъ главной конторы сталъ жилищемъ Варвары Петровны, пристроившей къ нему еще два флигеля, изъ коихъ одинъ, между прочимъ, вмѣщалъ библіотеку Ивана Сергѣевича, а другой— домашнюю цвѣточную оранжерею. За поименованными строеніями, имѣв-

шими съ лицевой стороны обширный кустарный цвѣтникъ и нѣсколько липовыхъ аллей и составлявшими собою правое крыло Лутовиновской усадьбы, находились еще каменный флигель, въ которомъ жили главноуправляющіе, а впослѣдствіи и Иванъ Сергѣевичъ (насадившій противъ него березовую аллею), каменный же флигель (въблизи перваго), вмѣщавшій контору, затѣмъ строенія коннаго и скотнаго дворовъ съ ихъ приспособленіями для животныхъ, людей и экипажей. Правое крыло съ задней стороны украшалось также кустарнымъ цвѣтникомъ, сливавшимся съ плодовымъ «нижнимъ» садомъ. Затѣмъ помню множество строеній разбросанныхъ отъ коннаго двора по березовой рошѣ до Орнавичнаго пруда. Тутъ были жилыя строенія, приспособленныя къ земледѣльческому хозяйству и другимъ назначеніямъ.

По линіи идущей прямо отъ Спасской церкви до Никольской слободки проложена большая дорога, окупанная съ двухъ сторонъ глубокою канавой, по валу коей были насажены довольно часто деревья ясеневыя, кленовыя, рябиновыя и другія, образовавшія прекрасную аллею. Параллельно этой дорогѣ, отъ коннаго двора проложена другая дорога, ведущая къ скирднику и молотильнымъ сараямъ и сушильнямъ. Она также обсажена деревьями и ее также можно назвать тѣнистою аллеею. Сердину описанныхъ параллельныхъ дорогъ занималъ «верхній» плодовый садъ на пространствѣ правильнаго параллелограмма до двѣнадцати десятинъ. Между концомъ верхняго сада и каменнымъ флигелемъ и верхнимъ цвѣтникомъ, на площади въ четыре десятины, стояли въ два ряда строенія господскихъ застольныхъ съ раздѣленіемъ на три разряда: для «чистой прислуги», для «дворовыхъ одинокихъ рабочихъ» и «для крестьянъ» вре-

менно прибывшихъ изъ другихъ вотчинъ на господскія работы. Противъ этихъ застольныхъ установлень былъ на высокомъ столбѣ двухпудовой колоколь, и дежурный по конторѣ обязанъ былъ звонить: завтракъ, обѣдъ, ужинъ, а также на работу и съ работы. На вершинѣ столба утверждень былъ большой жестяной флюгеръ, показывавшій направленіе вѣтра и имѣвшій въ себѣ сквозную вырѣзку цифръ: «1808». Разказываютъ, что эти цифры означали время окончательнаго устройства всей Спасской усадьбы.

IV.

Я упомянулъ, что въ Петровскомъ было основано училище. Со смертью учредительницы рушилось и оно, вмѣстѣ съ пріютною фермой; упразднилась также и больница съ богадѣльней. Врачъ и фельдшера съ сидѣлками стали не нужны. Не нужными сдѣлались и ученые мастеровые, получившіе паспорта и отправившіеся по разнымъ городамъ зарабатывать оброки. Опустѣла Петровская усадьба и стала совсѣмъ лишнею, опустѣли также и многія спасскія жилия строенія, разбросанныя по правую сторону господской усадьбы. Словомъ, пошли въ ходъ однѣ полевые и другія хозяйственныя работы. Всѣ мальчики, въ томъ числѣ и я, разошлись по домамъ. Грустилъ я тогда объ этомъ, не зная какъ помочь своему горю. «Дай буду продолжать читать и писать!» думалъ я. «А гдѣ взять для этого книжекъ, чернилъ и бумаги?» задавался я вопросомъ. *Полную русскую Азбуку и Букварь* я выучилъ наизусть съ начала до конца; никакихъ другихъ книгъ у меня не было. Не знаю подь какимъ дѣтскимъ впечатлѣніемъ я взялъ мѣлъ и на наружной сторонѣ избы, на стѣнѣ, во всю ея длину, написалъ: «Лучше жить въ бѣдной хижинѣ съ

добродѣтелю, нежели въ богатыхъ хранинахъ съ неправдой».

Сдѣлаю краткій обзоръ производительности Спасскаго-Лутовинова временъ Варвары Петровны Тургеневой до 1850 года. Подобно братьямъ Лутовиновымъ, Варвара Петровна любила, чтобы хозяйство ея было, что называется, полною чашей и чтобы крестьяне ея жили въ большемъ довольствѣ, нежели крестьяне тѣхъ владѣльцевъ, которые, ради удовольствія, живутъ постоянно въ столицахъ или за границей, а хозяйство свое вести поручаютъ иностранцамъ. И дѣйствительно, Варвара Петровна умѣла извлекать пользу изъ всѣхъ статей хозяйства. Такъ *лесъ* доставляли ей матеріалъ на самыя необходимыя и самыя комфортабельныя вещи, начиная отъ березовыхъ: ложки, ковшы и чашки для застольной, до ясеневой, кленовой и дубовой рѣзной утвари и мебели господскаго дома; *пахотныя поля* доставляли въ изобиліи рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, горохъ, макъ, рѣпу, картофель; *огороды* — капусту, огурцы, бобы, фасоль, лукъ и всевозможные коренья для кухни и застольной; *луга* — обильный сборъ питательнаго сѣна *) и обширное пастбище для лошадей конскаго завода и домашняго рогатаго скота; *сады* — кромѣ персиковъ, абрикосовъ, сливъ, ананасовъ, прекраснѣйшіе сорта яблокъ, грушъ, вишенъ, а также и крыжовникъ, смородину, малину, землянику и др. ягоды; *челы* — прекраснѣйшій душистый липовый медъ и хорошій воскъ; разный *скотъ* — столовую и расхожую говядину, солонину, баранину, свѣжину, ветчину, масло, сливки и другіе молочные продукты, а также

*) Замѣчательно то, что въ Спасскомъ преобладаютъ, въ числѣ другихъ сѣдомыхъ травъ, клеверныя породы *Trifolium repens* и *Tr. pratense*.

и всевозможныя кожи для сбруи, упряжи, экипажей, для обуви, начиная отъ козловаго, опойковаго и выростковаго товара до полуважныхъ машинныхъ ремней и «хлѣбныхъ» сапожныхъ подошвъ; *птичный дворъ*—всякаго рода домашнюю птицу, а также яйца и хорошій пухъ; наконецъ *коневодство* — красивыхъ, орловской рысистой породы, упряжныхъ лошадей для всевозможныхъ поѣздокъ по имѣніямъ, городамъ и въ столицу. Сказанныя произведенія обрабатывались домашними средствами и способами. Такъ: колосовые и другіе хлѣба обмолачивались конною (въ 8 лошадей) молотильною машиною, завода Бутеновъ, съ зубчатыми приѣмными цилиндрами, а также и цѣпами на двухъ крытыхъ большихъ «токахъ». Зерно отвѣивалось конными вѣялками, того же завода Бутеновъ; а также и на вѣтру отдѣлывали зерно посредствомъ большихъ рѣшетъ, называемыхъ грохотами. Отдѣланное зерно ссыпалось въ амбары, коихъ было восемь, расположенныхъ въ одну линію, при нижней дорогѣ Верхняго сада, и вмѣщавшихъ разнаго хлѣба до сорока тысячъ четвертей. Ржаное и пшеничное зерно, по мѣрѣ надобности, обращалось въ муку на водяной мельницѣ о четырехъ поставахъ, устроенной при деревнѣ Кальнѣ, на рѣчкѣ того же названія. Зерно же гречихи и проса обрушивалось на крупу на той же мельницѣ. Зерно ячменя и овса на крупу для больницы и на овсянку для собакъ и скота перерабатывалось тамъ же. Солодъ растился въ особомъ подвалѣ. Зерна конопли, льна, мака, подсолнечника и лѣсныхъ орѣховъ обращались въ масло и жмыхи въ спасской маслобойнѣ, посредствомъ ручныхъ дубовыхъ жомовъ или прессовъ. Подготовка зеренъ главнымъ образомъ была въ хлѣбныхъ сушильныхъ овинахъ. Волокно пеньки и льна обрабатывалось крестъ-

янскими и дворовыми женщинами въ нитки и тальки на своихъ донцахъ и гребняхъ. Каждая женщина и взрослая дѣвушка, въ домѣ по одной на тягловаго мужчину, обязана была набрать извѣстное число сноповъ конопли и льна, перемолотить цѣпомъ или валькомъ, зерно сдать въ амбаръ ключнику, вѣсомъ или мѣрой, а снопы мочить въ водѣ извѣстное число дней, вынуть изъ воды, разостлать на выгонѣ, „ворочать“ ряды, и когда ленъ или конопля „улежатся“, то-есть волокно начнетъ хорошо отставать отъ стеблей, — ряды снять, связать въ снопы, а послѣдніе, просушивъ на печкѣ, мять на мялкѣ. Полученное такимъ образомъ волокно вяжется въ горсти, по одной изъ снопа, затѣмъ толчется (обивается отъ костры) въ деревянныхъ ступахъ, деревянными же толкачами или въ ступахъ на мельничной толчеѣ и наконецъ зимой прядутъ на веретенахъ *) нитки разной тонины, смотря по сорту матеріала, отъ самой тонкой, тальки и до хлопковой нити, такъ-называемой еще: мѣшковой и дерюжной.

Тонкія нитки сдавались въ ткацкую ткачамъ, которые и выработывали изъ нихъ, въ особыхъ станкахъ, холсты или полотна для господскаго носильнаго и столоваго бѣлья. Толстыя же нитки шли на обыкновенный расхожий холстъ. Мѣшковыя и дерюжныя нитки ткали въ холстъ сами крестьяне на своихъ деревенскихъ станахъ. Волокна пеньки, обдѣланныя такимъ же образомъ, какъ и волокна льна, употреблялись на всевозможные сорта веревокъ, а избытокъ ихъ — на продажу. Помню, Варвара Петровна любила добывать изъ своей ржи «зеленую» крупу на кашу. Для этого отводились жницамъ нѣ-

*) Ныѣшнихъ прялокъ, управляемыхъ посредствомъ ноги, круга и скалки, тогда не существовало.

сколько десятинъ ржи, и женщины Ивановской и Петровской деревень выходили съ серпами жать рожь въ первой половинѣ ея налива, то-есть въ то время, когда зерно еще зеленое и имѣетъ въ себѣ молочнаго цвѣта сокъ. Нажатые снопы ржи перевозились по домамъ, просушивались на вольномъ воздухѣ, обмолачивались вальками; зерно провѣивали отъ мякины на вѣтру, пуская его изъ рѣшета на полотно (столовую скатерть), и затѣмъ зерно снова просушивалось уже до суха въ печахъ. Любила она еще такимъ же способомъ добывать и ржаное зеленое зерно на муку для столоваго хлѣба; только рожь жали во второй половинѣ ея налива или зрѣлости. Какъ полевые, огородные и садовые продукты, добываемые въ изобиліи, находили домашнее примѣненіе, такъ и продукты скотоводства были доведены до высшей степени совершенства и служили удовлетвореніемъ сложной господской кухни и простой застольной. Одиныхъ дойныхъ коровъ, холмогорской и голландской породы, было въ стадѣ и на стойлѣ до 200 головъ! Кожи ихъ и подростковъ стада, а равно и кожи мелкаго рогатаго скота, козъ и овецъ, наполняли огромныя кладовыя, во всѣхъ видахъ выдѣлки для одежды и обуви, изготовляемыхъ въ своихъ мастерскихъ и своими мастерами. Для этого содержалось на господскомъ иждивеніи до шестидесяти семействъ дворовыхъ людей или до 200 человекъ. Кромѣ ихъ, содержалось до 50 благородныхъ и бѣдныхъ дворянокъ; гувернеровъ, гувернантокъ, «чистыхъ» фрейлинъ дюжины. Много было и «господь-посѣтителей» и «пріѣзжающихъ» съ разною цѣлью—и всѣ были накормлены, напоены, обуты, одѣты, видѣли «дворянское», патріархальное гостепріимство и радушіе владѣлицы Спасскаго-Лутовинова. Крестьяне и тѣ пом-

нять, что въ голодные 1840 и 1841 годы, когда цѣна на рожь доходила до 10 руб. ассигн. за четверть и окрестные помѣщики отказывали крестьянамъ въ сѣменахъ, тургеневскіе крестьяне получали ихъ свободно и не прибѣгали къ сбору съ полей лебеды на изготовленіе хлѣба, подобно сосѣдскимъ крестьянамъ, владѣльцы коихъ были лишены счастливой возможности снабжать ихъ хлѣбомъ изъ своихъ собственныхъ закромовъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Спасскомъ-Лутовиновѣ не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ лицахъ хорошо знавшихъ жизнь и характеръ Варвары Петровны или имѣвшихъ какое-либо вліяніе на дальнѣйшую судьбу крѣпостныхъ ея людей и всего ея состоянія.

У Варвары Петровны, въ числѣ множества «доморощенныхъ» крѣпостныхъ дѣвушекъ-мастерицъ, жила, между прочимъ, по вольному найму одна дѣвушка «бѣлошвейка» по имени Евдокія Ермолаевна или, какъ обыкновенно называли ее, Авдотья Ермолавна. Портретъ ея весьма обыкновенный: блондинка, роста 2 арш. 3½ вершка, лицо чистое, правильно-русское, глаза свѣтло-каріе, носъ и ротъ «умѣренные», но она была женственно скромна, молчалива и симпатична. Эта-то дѣвушка и приглянулась, а затѣмъ и полюбилась барину-юношѣ Ивану Сергѣевичу. Конечно, Варвара Петровна узнала про *первую любовь* сына своего, «вспылила», даже, говорятъ, «собственно-ручно посѣкла», но поправить дѣло было невозможно, хотя Авдотья Ермолаевна была немедленно удалена навсегда изъ Спасскаго. Дѣйствительно, она переѣхала въ Москву, гдѣ на Пречистенкѣ, въ первомъ этажѣ небольшого дома, наняла квартиру о двухъ комнаткахъ и занималась своимъ рукодѣльемъ. Близкимъ людямъ къ Варварѣ Петровнѣ и къ

Ивану Сергѣевичу стало извѣстно, что у Авдотьи Ермолаевны родилась дочь по имени Пелагея. Ребенокъ этотъ, по увѣренію людей, былъ очень похожъ на Ивана Сергѣевича, а потому, будто бы, Иванъ Сергѣевичъ рѣшился отнять Полю у матери и передать ее на воспитаніе кому слѣдовало, кому довѣрялъ самъ Иванъ Сергѣевичъ. Но, до окончательнаго рѣшенія судьбы ребенка, онъ перенесенъ былъ въ семейство того Ѳедора Лобанова, который когда-то учил Ивана Сергѣевича русской грамотѣ и между прочимъ читалъ поэзію Хераскова и другихъ. Извѣстно далѣе, что ребенокъ изъ семейства Лобанова перешелъ въ *надлежащія* руки знаменитой пѣвицы г-жи Виардо Гарсиа, и уже ею увезенъ былъ въ Парижъ на воспитаніе, гдѣ маленькая Поля получила названіе Полины Тургеневой. Рассказываютъ, какъ однажды Авдотья Ермолаевна убѣдительно просила Ивана Сергѣевича дать ей возможность съѣздить въ Парижъ, чтобы повидаться съ родною дочерью, «хотя однажды».

— Повѣрь мнѣ, Авдотья Ермолаевна, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, — теперь у тебя съ дочерью нѣтъ ничего общаго: она по-русски такъ же ничего говорить не умѣетъ, какъ ты не умѣешь по-французски, и повѣрь, что ты ей ничего не растолкуешь и она не пойметъ, что ты ей мать родная. Еще вѣрь мнѣ, что она будетъ счастлива, такъ счастлива, какъ никогда не могла бы быть счастливою, оставаясь при тебѣ...

По смерти мужа къ Варварѣ Петровнѣ наиболѣе близкими людьми были Дг. В***, образованный и очень красивый молодой человекъ, и воспитанница Варя, о которой безпокоилась Варвара Петровна во время пожара Спасской усадьбы. Дѣйствительно, Варвара Петровна любила Варю, какъ только мать можетъ любить дочь свою. Окруженная съ малыхъ

лѣтъ гувернантками нѣмками, французженками и англичанками, Варвара Николаевна, — такъ звали воспитанницу Варю, — подъ ихъ руководствомъ получила, если и домашнее, то все же фундаментальное образованіе. Къ концу жизни Варвары Петровны, Варвара Николаевна выросла и уже имѣла жениховъ изъ поэтовъ, писателей и просто помѣщиковъ, но смерть Варвары Петровны вдругъ пресѣкла ея счастье. Варвара Петровна умерла, противъ всякаго ожиданія, чуть не скоропостижно, на глазахъ Варвары Николаевны.

Разсказываютъ, что когда Варвара Петровна слегла въ постель и почувствовала себя слабою, то спросила г. Б***:

— Есть ли надежда на жизнь?

— Никакой! отвѣчалъ докторъ.

— Спасибо за правду! сказала уже слабымъ голосомъ Варвара Петровна, подавъ руку доктору, а затѣмъ повернулась лицомъ къ стѣнѣ и чрезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно дыханіе у ней прекратилось навсегда.

На эти послѣднія минуты жизни смотрѣли сквозь дверную щель Николай Сергѣевичъ съ Анною Яковлевной, а Иванъ Сергѣевичъ былъ въ Спасскомъ.

— Скончалась! сказалъ докторъ и вышелъ.

Тогда уже къ усопшей вошелъ Николай Сергѣевичъ съ женой и, павъ на колѣни предъ мертвою, сказалъ рыдая:

— Мамаша!.. мамаша!.. Прости... прости меня!..

Прости... прости *насъ*... Прости...

О смерти Варвары Петровны тотчасъ же дали знать въ Спасское Ивану Сергѣевичу, причемъ «приказано» было бурмистрамъ «сохранять въ тайнѣ отъ крестьянъ извѣстіе о кончинѣ владѣлицы имѣній».

Иванъ Сергѣевичъ прибылъ въ Москву въ день погребенія матери, но къ похоронамъ опоздалъ болѣе чѣмъ на восемь часовъ ѣзды.

Такъ какъ наслѣдники умершей были налицо, то со стороны административной власти не было принято никакихъ мѣръ къ охраненію имущества. Наслѣдники обошлись домашнимъ порядкомъ. Прежде всего вскрыта была шкатулка, въ которой хранились брилліанты и золото. На верху оказались гербовыя и другія бумаги въ пакетахъ и безъ пакетовъ. Въ пакетахъ были вложены засвидѣтельствованныя отпускныя семьямъ дворовыхъ, въ томъ числѣ и Ѳ. Лобанову, съ приложеніемъ награды 500 рублей. Въ числѣ простыхъ (не гербовыхъ) бумагъ, лежавшихъ въ той же шкатулкѣ подъ конвертами, дѣйствительно нашлось и духовное завѣщаніе, написанное на имя Варвары Николаевны, но войти въ силу этому завѣщанію было не суждено. *Положительно извѣстно только то, что завѣщаніе было и что Варвара Николаевна, въ пылу раздраженнаго состоянія, до котораго довела ее Анна Яковлевна, сама уничтожила завѣщаніе, разорвавъ его на части, и удовольствовалась полученіемъ тридцати тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы въ общій раздѣлъ имѣній и другихъ капиталовъ между братьями она не вмѣшивалась.* Рассказываютъ однако въ видѣ правды про это завѣщаніе такъ: Оно было диктовано самою завѣщательницей, а писано рукой Варвары Николаевны, почеркъ которой походилъ на почеркъ Варвары Петровны. Было ли завѣщаніе подписано самою завѣщательницей, люди не знаютъ, и узнать или признать подпись за *дѣйствительную* могли только сыновья. Завѣщаніе, по словамъ молвы, гласило: «Всѣмъ крестьянамъ объявляю свободу на правахъ государственныхъ крестьянъ, а оставшіеся затѣмъ земли и дома,

а равно и все движимое имущество предоставляю въ полную неотъемлемую собственность Варвары Николаевны.» Въ концѣ концовъ всѣ слухи разрѣшились тѣмъ, что крѣпостное право осталось въ прежней своей силѣ какъ надъ Лутовиновцами, такъ и надъ Тургеневцами. Настала весна 1850 года, и въ Спасское прибылъ, какъ главноуполномоченный отъ Ивана Сергѣевича по всѣмъ его дѣламъ, Николай Николаевичъ Тютчевъ (со всѣмъ своимъ семействомъ). Со стороны Николая Сергѣевича явился въ село Тургенево съ такими полномочіями Григорій Ильичъ Преображенскій.

При раздѣлѣ наслѣдства, Иванъ Сергѣевичъ былъ очень уступчивъ въ пользу брата своего Николая Сергѣевича. За исключеніемъ Спасскаго, которое Иванъ Сергѣевичъ желалъ непременно оставить за собою, всѣ хорошія (устроенныя) имѣнія и все движимое имущество, въ томъ числѣ: брилліанты, жемчугъ, золото, серебро, бронза, фарфоръ, а также конскій заводъ, экипажи, сбура, упряжь, дорогая мебель, зеркала, даже фамильные портреты, все было уступлено безпрекословно Николаю Сергѣевичу. Уступлены были и всѣ мастеровые дворовые, не получившіе отпускныхъ. Такимъ образомъ у Николая Сергѣевича и его жены Анны Яковлевны осталась вся обстановка покойной матери.

Все вошло въ свою прежнюю колею, и зацарила снова барщина. Исправляли ее старые и малые, и исправляли безропотно. Распорядители барщинскаго труда очень хорошо знали какъ пользоваться и молодою, незрѣлою силой. Въ числѣ другихъ моихъ сверстниковъ сталъ исправлять «барщину» и я на девятомъ году, а для такого возраста, каковъ былъ мой, предназначались «ребяческія» работы. По выраженію распорядителей труда, такія работы *необходимы* для

развитія мускуловъ и навыка къ дальнѣйшимъ работамъ взрослога человѣка, то-есть необходимы какъ незамѣтный переходъ отъ легкаго къ болѣе тяжелому, серьезному труду. Такъ подъ руководствомъ бурмистровъ, старостъ, десятскихъ, садовниковъ, огородниковъ, врачей, конторщиковъ и другихъ приставниковъ прошло десять лѣтъ барщинскаго моего труда, на своихъ харчахъ, одеждѣ и обуви, пока случай не указалъ мнѣ другой исходъ и иной путь въ жизни, пока Н. Н. Тютчевъ не прочелъ моего писанія мѣломъ на стѣнѣ родной избы. Но сдѣлаю перечень моихъ занятій до этого случая: а) по *лѣсоводству*: собираніе ландышей, шпанскихъ мухъ, липовыхъ цвѣтовъ (въ аптеку), обдергиваніе березовыхъ почекъ (для настоекъ), собираніе лѣсныхъ орѣховъ (на производство масла), собираніе грибовъ, опенковъ (на сушку); б) по *полеводству*: катаніе рядовъ овса и ячменя въ снопы, перенашивание послѣднихъ въ копны, заскораживаніе посѣяннаго хлѣба, срѣзываніе головокъ мака *), выдергиваніе и снашивание рѣпы въ вороха, собираніе и снашивание картофеля (изъ-подъ сохи) въ вороха; в) по *луговодству*: полотье щавеля и чемерицы, сгребаніе ручными деревянными граблями рядовъ сѣна въ копны; г) по *садоводству*: поливаніе деревьевъ и цвѣтовъ въ оранжереяхъ, теплицѣ, парникахъ, на „выставкѣ“ или на воздухѣ, срѣзываніе и снашивание цвѣтовъ розы и резеды (для перегонной воды), собираніе плодовъ, ягодъ, очистка дорожекъ и клумбъ отъ листвы и сучьевъ; д) по *огородничеству*: полотье огурцовъ, свекловицы, моркови, капусты и другихъ овощей, и д) по *аптекарскому отдѣлу*: копанье хрѣну, кореньевъ лопушника и чистотѣла, собираніе ромаш-

*) Макъ не молотили цѣпами или вальками, но вынускали сѣмена прямо изъ головокъ взрѣзанныхъ ножемъ.

ки, цвѣтовъ тысячелистника, цвѣтовъ подсолнечника, валлеріановой травы, мать-и-мачихи и пр. Въ отрядѣ барщинскихъ дѣтей, подѣ началомъ десятичника, состояло каждый разъ не менѣе тридцати мальчиковъ и столько же дѣвочекъ. Результатъ труда такого дѣтскаго муравейника всегда составлялъ видныя вороха сработанныхъ продуктовъ и матеріаловъ. Правда, Варвара Петровна любила и дѣтей, время отъ времени созывала ихъ на устроенныя противъ дома различнаго рода качели и раздавала гостинцы, какъ-то: орѣхи, пряники, ленты, серьги, бусы и даже мѣдные гроши и копѣйки. Обычай этотъ велся, впрочемъ, и за время завѣдыванія имѣніями г. Тютчевымъ. Въ зимнее же время, вмѣсто качелей, для дѣтей устраивались снѣговыя горы, обмороженныя льдомъ, съ раздачей такихъ же гостинцевъ. Затѣмъ обязательныя труды мои, по волѣ Н. Н. Тютчева, начинаются, съ 1851 года, *по письменной части* въ конторѣ. Опытные конторщики частью, какъ получившіе вольныя грамоты, выбыли совсѣмъ изъ Спасскаго, частью достались Николаю Сергѣевичу и наконецъ частью были разосланы «земскими» по другимъ имѣніямъ. Слѣдовательно, по пословицѣ «на безрыбѣ и ракъ рыба», я взялъ былъ въ контору, на первый разъ—графить книги, прописывать заголовки, чинить гусиныя перья, мыть чернильницы, наблюдать за часами, съ тѣмъ, чтобы звонить въ колокольчикъ время завтрака, обѣда, ужина и время на работу и съ работы. Къ этимъ обязанностямъ потомъ прибавили: записываніе въ журналѣ «Наряда ежедневныхъ работъ», возку сноповаго хлѣба въ скирдникъ для откладыванья сноповъ на «замолотъ» (по одному снопу съ копны) и записыванье прихода и расхода продуктовъ и матеріаловъ въ «Журналѣ

коммиссара». Далѣ еще прибавили: переписыванье набѣло «Годовыхъ нарядовъ» бурмистрамъ о производствѣ работъ по ввѣреннымъ имъ имѣніямъ, присоединивъ въ то же время и переписку набѣло нѣкоторыхъ главъ изъ повѣстей *Рудинъ* и *Дворянское гнѣздо*. Эти занятія, аккуратно исполняемыя, заставили наконецъ Ивана Сергѣевича обратить вниманіе на мой деревенскій костюмъ; онъ приказалъ обмундировать меня и въ костюмъ двороваго, а также и кормить «барской» застольной. Да, на мнѣ были «пиджакъ» изъ нанки и сапоги изъ «конины»! У меня, въ это время, было много бумаги, чернилъ, карандашей, перьевъ и даже книгъ изъ библіотеки Ивана Сергѣевича. Между прочимъ попались мнѣ сочиненія Полежаева, Кольцова, Гоголя и Жуковскаго. Полежаева и Кольцова я заучилъ наизусть отъ доски до доски, Жуковскаго не всего; Гоголь меня смѣшилъ до упаду. Такъ все шло обычнымъ порядкомъ до 1852 года. Въ этомъ году Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ жить въ Спасское, и его стали посѣщать гости. Тутъ стали говорить, что «Ивана Сергѣевича выслали административнымъ порядкомъ изъ столицъ въ деревню, въ видѣ домашняго ареста на цѣлый годъ, за противозаконное сочиненіе его *Записки Охотника* и еще за что-то.» Но я въ то время ничего этого не понималъ, а на самомъ дѣлѣ это было вѣрно, хотя высланъ онъ былъ не за *Записки Охотника*, а за статью о Гоголѣ. Въ это время Иванъ Сергѣевичъ занималъ каменный флигель, куда сходились къ нему его гости, какъ-то: Феть, Полонскій, Гербель, графъ Толстой, гг. Бакунинъ, Калбасинъ, Щепкинъ и много, много другихъ. Н. Н. Тютчевъ, по недостатку слугъ, прикомандировалъ меня въ распоряженіе Ивана Сергѣевича, при которомъ также

состояли: камердинеръ Захарь, да купленный у ба-
рыни поварь Степань.

За то время, пока я находился въ конторѣ и при
домѣ Ивана Сергѣевича, до 1859 года, когда при-
шлось разстаться со Спасскимъ, у меня сложились
кое-какія дѣтскія понятія о себѣ самомъ и о лицахъ,
къ которымъ долженъ былъ относиться въ грани-
цахъ моего положенія. Но что я могъ понимать?
Лучше сказать: я не понималъ, а силился понимать,
разсуждать. Такъ я не понималъ, почему авторъ за
сочиненія можетъ быть такъ или иначе наказанъ,
напримѣръ, Шевченко. Читаю *) въ кабинетѣ лежав-
шій на столѣ листъ бумаги, исписанный рукой Ивана
Сергѣевича, на имя Ея Императорскаго Высочества
Великой Княгини Маріи Николаевны, съ изложені-
емъ ходатайства о дарованіи Т. Шевченко амнистіи
и задаюсь вопросомъ: отчего же самъ г. Шевченко
не можетъ изложить просьбы непосредственно са-
мому Государю Императору? Вѣдь сочиняетъ же онъ
стихи! Или: читаю, напримѣръ, тамъ же рукопись,
не помню чью, подъ названіемъ: Руѣ, и думаю: «от-
чего Иванъ Сергѣевичъ не пишетъ стихи, а пишетъ
повѣсти», и заключаю, что «стихи писать труднѣе,
нежели прозу, и что стихи народъ учитъ наизусть
и поетъ, а прозу только читаетъ да и то разъ и
много два!» Наконецъ: слышишь разговоръ гостей
съ Иваномъ Сергѣевичемъ и больше половины словъ
разговора не понимаешь. Такъ записалъ я много
словъ, желая узнать ихъ значеніе, а для этого об-
ратиться къ помощи знающихъ (по моему мнѣнію)

*) Когда Иванъ Сергѣевичъ съ гостями уѣзжалъ на охоту или
просто на прогулку, то оставленные въ кабинетѣ, на столѣ, книги
или рукописи я любознательно читалъ, не нарушая прежняго
ихъ расположенія или порядка, такъ что И. С. не могъ знать о
моей любознательности.

больше меня людей или къ лексикону; но ни люди, ни словарь не дали мнѣ желаемыхъ разъясненій. Напримѣръ, Иванъ Сергѣевичъ не разъ произносилъ слова: «итакъ *начало* всѣхъ началъ», «сила и матерія», «принципъ силы воли», «эманципація крестьянъ и женщинъ» и пр. и пр., и я рѣшилъ, что «понятія о такихъ словахъ даются человѣку наукой и что наука дѣлаетъ человѣка умнѣе, что кругозоръ его увеличивается, что умъ свѣтлѣетъ и что только тогда, при этомъ условіи, человѣкъ можетъ писать стихи или прозу, или понимать поэтовъ и писателей». Тѣмъ не менѣе я хорошо понималъ все, что было по моимъ силамъ. Напримѣръ, я понималъ, что Иванъ Сергѣевичъ былъ человѣкъ мягкій, добрый, въ высшей степени благородный. Крестьяне называли его «хорошимъ баринѣмъ», «добрымъ бояриномъ», «батюшкой», выражаясь иногда: «гуторятъ люди, что нашъ-то слѣпой *) пріѣхалъ и ужъ ушелъ съ Дьянкою **) на позаранкѣ»... «Что вы довольны моимъ управляющимъ?» обыкновенно спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ своихъ крестьянъ, когда пріѣзжалъ въ Спасское и созывалъ «сходку», «міръ» крестьянъ. «Очень довольны, батюшка ты нашъ Иванъ Сергѣевичъ», отвѣчали каждый разъ мужики... «Вонъ, нашъ батюшка, слѣпой-то, съ ружьемъ и съ Дьянкою по нашему овсу зашагалъ!... Знать въ Пришній, ай на Сѣчки за зайцами тянетъ.» — «Чаво въ Пришній, ихъ и по овсу не мало, только стрѣляй!» замѣчалъ другой.

*) „Слѣпымъ“ называли Ивана Сергѣевича потому, что онъ никогда не разставался съ *pinse-nez*.

**) „Діанка“—любимая Ивана Сергѣевича легавая собака. Когда она пала на старости лѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ велѣлъ закопать ее въ саду подъ одиноко растущимъ молодымъ дубкомъ (теперь дубомъ) и приказалъ слѣлать угощеніе трудившимся надъ нею крестьянамъ.

Изъ числа обученныхъ Барварой Петровной дворовыхъ мастеровыхъ людей, доставшихся на часть Ивана Сергѣевича, одинъ, именно Иванъ Козловъ, записанный по девятой ревизіи при селѣ Тургеневѣ, просилъ Ивана Сергѣевича отпустить его на волю или на оброкъ, и Иванъ Сергѣевичъ рѣшилъ сдѣлать первое. Но Николай Сергѣевичъ воспротивился, и кончилось дѣло тѣмъ, что вмѣсто вольной, Иванъ, «крѣпостной» Ивана Сергѣевича, отданъ былъ братомъ въ солдаты. Иванъ Сергѣевичъ отпускалъ своихъ людей или на оброки за умѣренную плату, или давалъ имъ «вольныя», словомъ удовольствовался лишь послугами камердинера и повара, сопутствовавшихъ Ивану Сергѣевичу даже въ путешествіяхъ за-границу, именно въ Бадень-Бадень и во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Но и поваръ скоро былъ освобожденъ отъ обязательной службы, такъ какъ Иванъ Сергѣевичъ не пожелалъ, чтобы деньги, внесенныя за него барынѣ (1.000 рублей), Степанъ заживалъ безвозмездною службой. И наоборотъ: тѣ люди, которые достались на часть Николая Сергѣевича, а ему почти всѣ они достались, претерпѣвали угнетенія, наказанія и даже ссылку. Грустно вспоминать какъ Николай Сергѣевичъ и въ особенности его «Зажига», *) окружавшіе себя «Альбертами», **) ставили на урочное положеніе своихъ людей, за ничтожную «провинность», пилить дрова, копать камень, носить кирпичъ, рѣзать тряпку (на писче-бумажной фабрикѣ), при становомъ «парили» (на конюшнѣ) розгами, даже ссылали въ ссылку (въ Сибирь) и ставили «безъ зачета» «подъ красную шапку»... ***).

*) Такъ звали Анну Яковлевну.

**) Альбертами назывались донощики, кляузники, а взято такое названіе со старшаго дворецкаго Альберта.

***) Въ солдаты.

Въ 1855 году Иванъ Сергѣевичъ прислалъ изъ-за границы въ Спасское письмо на имя Н. Н. Тютчева, прося его передать управленіе имѣніями дядѣ своему Николаю Николаевичу Тургеневу. Николай Николаевичъ Тютчевъ управлялъ имѣніями около пяти лѣтъ, управлялъ съ полнѣйшимъ знаніемъ этого дѣла: онъ улучшилъ лѣсную часть хозяйства, именно лѣсоохраненіе и лѣсовозращеніе, расширилъ скотоводство, возвысилъ плодородіе пахотныхъ полей и урожай хлѣбовъ, поддерживалъ крестьянъ въ ихъ крайнихъ нуждахъ и самое ихъ хозяйство, надѣливъ неимущія тягла рабочими лошадьми и племеннымъ скотомъ; словомъ, былъ въ отношеніи всѣхъ, какъ и самого себя, строгъ, справедливъ и энергиченъ, такъ что заставлялъ крестьянъ бояться и уважать его. Иванъ Сергѣевичъ съ Николаемъ Николаевичемъ Тютчевымъ остались всегда если не друзьями, то все-таки хорошими, уважавшими другъ друга знакомыми.

Вблизи Спасской церкви находится могилка съ каменнымъ четырехграннымъ небольшимъ памятникомъ, обнесеннымъ желѣзною рѣшеткой. На камнѣ высѣчены слова: „На семь мѣстѣ почіеть *Олга Тютчева*.“ Это единственная (десятилѣтняя) дочь Н. Н. и Александры Петровны Тютчевыхъ.

Николай Николаевичъ Тургеневъ, если и занимался управленіемъ имѣній, какъ при Варварѣ Петровнѣ, такъ и при Иванѣ Сергѣевичѣ, то въ этомъ дѣлѣ видѣлъ лишь одно увеличеніе своихъ средствъ, такъ какъ собственное его имѣніе, село Юшково, было весьма невелико и мало доходно. На долю Николая Николаевича Тургенева пришли работы по переселенію Петровскихъ и Ивановскихъ крестьянъ частію въ Голоплеки и Кальну, частію въ сло-

бодку «Никольскую,» затѣмъ разверстаніе крестьянскихъ отъ господскихъ земель и наконецъ повальная корчевка лѣса Чаплыгина съ уничтоженіемъ пасѣки и почти всего скотоводства. Лѣсъ Чаплыгинъ корчевался крѣпостными силами крестьянъ всей Жиздринской вотчины за шесть лѣтъ до обнародованія Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 года. При Николаѣ Николаевичѣ Тургеневѣ было обнародовано и Высочайшее повелѣніе о производствѣ десятой народной переписи. При немъ заговорила и вся печать о желаніи освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Десятая ревизія по Спасскому относится ко времени послѣднихъ моихъ занятій въ Спасской вотчинной конторѣ. Мною составлены всѣ подворные списки крестьянъ и написаны «набѣло» всѣ ревизскія сказки, представленныя Николаемъ Николаевичемъ во Мценскій уѣздный судъ и казначейство. Подъ № 17 Петровскаго селенія означенъ и я, пятнадцати лѣтъ.

Весной 1859 года пріѣхалъ въ Спасское Иванъ Сергѣевичъ и между прочимъ призвалъ меня къ себѣ. „Желаешь учиться?“ спросилъ онъ меня.

— Желаю, отвѣчалъ я.

— Мнѣ Тютчевъ говорилъ, въ Петербургѣ, чтобъ отдать тебя въ Горыгорѣцкую земледѣльческую школу. Желаешь туда?

— Желаю, былъ мой отвѣтъ.

Иванъ Сергѣевичъ садится и пишетъ на клочкѣ бумаги черновое объявленіе и затѣмъ подаетъ его мнѣ, говоря: «иди, перепиши и принеси мнѣ подписать.»

Объявленіе гласило:

Въ Правленіе Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института

Мценскаго помѣщика Ивана Сергѣева Тургенева

Объявленіе.

Податель сего Мценскаго уѣзда, села Спасскаго, крѣпостной мой человекъ, *Ө. Б.*, 18 лѣтъ, назначается мною къ поступленію въ Земледѣльческую школу, состоящую при институтѣ. При чемъ прилагается сорокъ рублей серебромъ за первое полугодіе. *Иванъ Тургеневъ.*

— Дядя ожидаетъ партію полѣховъ изъ жиздринскаго имѣнія, сказалъ мнѣ Иванъ Сергѣичъ, — для корчевки Чаплыгина и при этомъ бурмистра, и я скажу ему отправить тебя въ Горки на подводѣ черезъ жиздринское имѣніе, съ бурмистромъ, до мѣста твоего назначенія. Возьми объявленіе и деньги, да готовься въ путь.

Я поблагодарилъ Ивана Сергѣевича и удалился. На другой день, вечеромъ, засталъ я Ивана Сергѣевича у дяди, къ которому принесъ для подписки книгу фуража, и онъ сказалъ мнѣ:

— Ты будешь отправленъ тѣмъ путемъ, какъ я сказалъ тебѣ. Учись хорошенько. Готовится реформа положенія крестьянъ. Богъ дастъ, она осуществится и тогда твое знаніе агрономіи пригодится землевладѣльцамъ, нуждающимся въ просвѣщенныхъ управляющихъ. Только будь всегда честенъ и достоинъ, по прежнему, моего вниманія.

Это были послѣднія напутственныя слова Ивана Сергѣевича.

Такъ состоялось мое опредѣленіе. 6 августа 1859 года, въ день престольнаго праздника, съ грустнымъ чувствомъ простился я съ роднымъ Спасскимъ и от-

правился по дорогѣ на Голоплеки, Кальну и Шеламово и такъ дальше до Горокъ. Тамъ, по объявленію Ивана Сергѣевича, я былъ принятъ въ число своекоштныхъ учениковъ. Въ Горкахъ прожилъ я четыре года. Помню, 19 февраля 1861 года мы, всѣ учащіеся, были въ институтской церкви, гдѣ устами нашего законоучителя, протоіерея Золотова, былъ прочтенъ Всемилоствѣйшій Манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права.

Къ удивленію моему, въ іюнѣ 1861 года, призываетъ меня къ себѣ г. Целлинскій, исправлявшій должность директора Горыгорѣцкихъ учебныхъ заведеній, и сообщаетъ, что Ивану Сергѣевичу желательно, чтобъ я получилъ вольную, причемъ отдалъ мнѣ и самое письмо. Вотъ его содержаніе:

Милостивый государь Богданъ Андреевичъ, — честь имѣю уведомить васъ, что такъ какъ повидимому вольноотпускная Θ. Б — а до него не дошла — то я, на основаніи Положенія, велѣлъ написать ему новую, которая послѣзавтра (по причинѣ праздниковъ) будетъ засвидѣтельствована и немедленно отправлена въ Горыгорѣцкую школу. Позвольте поблагодарить васъ отъ души за оказанное вами снисхожденіе и надѣюсь, что Б — нъ достоинъ его. Въ то же время прошу васъ принять увереніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ остаюсь

вашъ покорнѣйшій слуга

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское,
30 мая 1861.

Николай Николаевичъ Тургеневъ дѣйствительно выслалъ мнѣ вольную, засвидѣтельствованную Мценскимъ уѣзднымъ судомъ, съ тѣмъ, чтобы я означенную вольную предъявилъ для утвержденія въ Оршанскій уѣздный судъ. Тамъ, прочитавъ вольную,

сказали: «Вашъ помѣщикъ и его управляющій должно-быть не въ здоровомъ умѣ; они не понимаютъ, что самъ государь императоръ далъ *всѣмъ* людямъ вольныя», и положили подъ сукно.

Въ 1863 году я окончилъ курсъ сельскохозяйственныхъ наукъ и получилъ свидѣтельство на званіе ученаго управительскаго помощника. По уставу института и пр. горыгорѣцкихъ учебныхъ заведеній, я долженъ былъ оставаться въ Горкахъ на практическихъ работахъ только до 15 сентября, а затѣмъ уже прокладывать себѣ дорогу къ самостоятельной жизни. Я задумался. У меня нѣтъ ничего, у родныхъ моихъ тоже. Требованій отъ помѣщиковъ на управляющихъ не поступало. Думаю: „Дай я поступлю въ школу овцеводовъ-бонитеровъ“. Подалъ прошеніе, получилъ всѣ шансы къ поступленію, но тутъ польскій мятежъ, проникшій въ Горки, повелъ за собою то, что институтъ перевели въ Москву (основавъ Петровско-Разумовскую академію), а школу овцеводовъ-бонитеровъ и совсѣмъ не утвердили. Оставалось просить содѣйствія Ивана Сергѣевича. Я написалъ ему письмо во Францію и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Парижъ.

15/27 января 1863.

Rue de Rivoli. 210.

Любезный Б—нз,—Я получилъ твое письмо съ мѣсяцъ тому назадъ и тотчасъ написалъ въ Спасское о высылкѣ тебя 50 рублей серебромъ. Прошу тебя извѣстить тотчасъ какъ только ты ихъ получишь.

Я всегда съ участіемъ слѣдилъ за ходомъ твоего воспитанія и радовался твоимъ успѣхамъ. Надѣюсь, что теперь, когда ты вступишь на поприще дѣйствительной жизни, ты попрежнему оправдаешь мое довѣріе. Времена, слава Богу, наступили теперь друія, и всякій человекъ съ головой и съ поведеніемъ можетъ проложить себѣ до-

рогу. Будь увѣренъ, что ты найдешь всегда во мнѣ готовность быть тебѣ полезнымъ. Помни, что первые шаги особенно важны и трудны, но они облегчены для тебя тѣми познаніями, которыя ты приобрѣлъ.

За симъ остаюсь добροжелательный твой

Иванъ Тургеневъ.

Изъ города Горокъ отправился я на службу въ мѣстечко Смѣлу, Кіевской губерній, имѣніе графа А. А. Бобринскаго, въ качествѣ „практиканта“ по сельскому хозяйству и по свекловичнымъ плантаціямъ въ особенности. Тамъ пробылъ около двухъ съ половиною лѣтъ, вращаясь съ малороссами и поляками, управляемыми нѣмцами. Жалованье мое было пятнадцать рублей въ мѣсяць. Изъ Смѣлянскаго имѣнія пришлось поступить въ Николаевское имѣніе братьевъ С. и В. Булацель, Екатеринославской губерній, Славяносербскаго уѣзда, также къ малороссамъ. У гг. Булацель, занимаясь преимущественно бухгалтеріей и производствомъ ручнаго припуска заграничныхъ барановъ негретти и инфантадо къ стаду мериносовыхъ овецъ, пробылъ около двухъ лѣтъ, получая жалованье двадцать рублей въ мѣсяць. Изъ Николаевки, по рекомендаціи Н. Н. Тютчева, поступилъ я въ качествѣ помощника управляющаго въ Саратовское имѣніе графа И. И. Воронцова-Дашкова. Изъ Саратовскаго имѣнія получилъ командировку въ московское и затѣмъ калужское (его же) имѣнія произвести ревизію, разверстаніе крестьянскихъ угодій и совершить выкупныя операціи болѣе чѣмъ пяти тысячъ душевыхъ надѣловъ. За службу получалъ гонораръ: въ саратовскомъ имѣніи 50 р., а въ послѣднихъ имѣніяхъ тысячу рублей въ годъ. Всѣхъ лѣтъ моей службы у графа прошло шесть. Послѣдняя служба моя была въ Калужскомъ же уѣздѣ, на томъ же содержа-

ни, какое получалъ у графа, а занятія состояли по управленію хозяйствомъ, заключающемся въ лѣсоводствѣ и полеводствѣ въ связи со скотоводствомъ и травосѣяніемъ.

Во время службы у графа Воронцова-Дашкова я получилъ званіе „ученаго управителя“, а въ послѣднемъ имѣніи званіе „личнаго почетнаго гражданина“.

V.

Итакъ, за время службы мнѣ пришлось не разъ припоминать мое *прошлое* и изучать *новое*, все, что послѣдовало съ помѣщиками и ихъ имѣніями послѣ „эманципаціи“ крестьянъ, когда дѣйствительно „порвалась цѣпь народная“ и „ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“. Пришлось видѣть и „степи“ Кольцова и слышать его *Пьеню пахаря*, а также видѣть вольнонаемныхъ *Жнищ-поселянокъ* и *Сънокосную пору* Майкова. Пришлось мнѣ быть въ Спасскомъ-Лутовиновѣ два раза послѣ 1859 года. Первый разъ былъ на святой недѣлѣ 1869 года, то есть ровно чрезъ десять лѣтъ. Но уже родовой усадьбы на Петровскомъ я не нашель. Она оказалась въ Никольской слободѣ, совсѣмъ въ другомъ видѣ и поставлена какъ разъ на болотѣ, а передъ лицевою стороной ея стоятъ четыре, въ слегу толщины, раскидистыя ракиты, посаженныя (кольями) по „распоряженію крестьянскаго самоуправленія“. Отъ отца моего узналъ я, что крестьяне съ Петровскаго и Ивановскаго всѣ переселены частью въ Кальну и Голоплеки, а частью въ Никольскую слободку, что переселилъ ихъ „Лупоглазый“ *), что на прежнихъ ихъ

*) Такъ крестьяне прозывали между собою Николая Николаевича, потому что онъ имѣлъ большіе „на выкатѣ“ глаза.

усадеббахъ, выгонахъ и коноплянникахъ теперь сѣт-ся барская пшеница, картофель, овесъ и клеверъ, и что Никита Алексѣвичъ Кишинскій заступилъ мѣсто Николая Николаевича Тургенева. Отъ отца я услышалъ, къ величайшему удивленію, что Никита Алексѣвичъ не разъ присылалъ „становаго пристава“ къ отцу моему съ требованіемъ уплаты денегъ за мое воспитаніе (въ Горкахъ).

— Какія деньги? спросилъ я отца съ изумленіемъ.

— Развѣ не знаешь какія бываютъ деньги? переспросилъ меня отецъ.

— Вѣдь Иванъ Сергѣевичъ согласился заплатить за меня, продолжалъ я.

— Согласился, да знать не заплатилъ; не заплатилъ ихъ и «Лупоглазый», не отдалъ ихъ и «Тиханской», *) не заплатилъ и я ихъ, потому что не имѣю и не за что...

— Какъ не за что, спросилъ я опять отца.

— Вѣстимо не за что! На твою душу надѣла не дали. Ишь сказываютъ, что тебя по «ревизіи» поставили «безземельнымъ» дворовымъ, отпущеннымъ «на волю»... Такъ «Лупоглазый» и мировому посреднику сказалъ.

Слова отца моего были дѣйствительно справедливы: Николай Николаевичъ Тургеневъ, какъ стало потомъ извѣстно, не желалъ моего воспитанія и не платилъ, а правленіе института упустило изъ виду требовать своевременно деньги за меня. Никита же Алексѣвичъ чрезъ пристава далъ отзывъ въ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, что «такъ какъ Б—нъ, со времени обнародованія положенія о крестьянахъ, вышелъ изъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику, то на помѣщикѣ не лежало и не лежитъ никакой обязанности уплачивать

*) Такъ крестьяне звали между собою Кишинскаго.

требуемую правленіемъ института сумму за воспитаніе его, Б—на».

Пошелъ я съ отцомъ осматривать новое поселеніе, дворъ и коноплянникъ съ возведенными на болотѣ строеніями. Коноплянникъ оказался небольшой, 630 кв. сажень, на двѣ души.

— Что же у тебя плоха конопля-то? спросилъ я отца, смотря на снопы, стоящіе въ козлахъ у овина.

— У насъ у всѣхъ такая.

— Плоха, плоха!..

— Съ чего ей быть-то хорошей? Навозу-то нѣтъ, вотъ и плоха, отвѣчалъ отецъ.

— Что же у тебя огорода-то нѣтъ? спросилъ я.

— А для огорода-то нешто не нуженъ навозъ?.. Чай самъ понимаешь?

— Гдѣ же у васъ выгонъ?

— А дорога-то, по какой ты вчера пріѣхалъ... Нешто ты не видалъ?...

И выгонъ и дорога, все одно и то же, подумалъ я.

— Это что жъ такое за болото? спросилъ я отца, указывая на грязную воду, въ которую упирается коноплянникъ.

— Нешто не видишь: это прудъ! сказалъ отецъ.

Дѣйствительно дальше, по направленію къ Орнавичному пруду, виднѣлась плотинка съ маленькимъ досчатымъ желобомъ для теченія воды.

— Когда же это прудъ запрудили? продолжалъ я спрашивать отца.

— Лупоглазый запрудилъ, какъ задумалъ насъ переселять сюда. А вонъ за плотиной-то видишь краснѣется? Это колодезь Ивана Сергѣича.

— Да развѣ Иванъ Сергѣевичъ живетъ въ Спасскомъ, что ему нуженъ тутъ колодець?

— Зачѣмъ живеть—не живеть; а когда прѣѣжаетъ, то изъ него подаютъ ему воду.

Мы воротились съ коноплянника къ двору.

— Что же это сѣни-то у тебя такъ перегорожены пополамъ? спросилъ я отца.

— Это такъ перегородилъ «Лупоглазый» изъ выгоды, чтобъ *одни* были на двѣ семьи. Сѣни дѣйствительно дѣлились одною общею капитальною стѣной, за которою помѣщался уже другой «домохозяинъ», и были подъ одною общею крышей двѣ избы (при однихъ сѣнцахъ).

— Вѣдь это неудобно такъ жить, сказалъ я отцу, указывая и на заборъ находящійся по срединѣ двора, имѣющаго сарай также подъ одною общею крышей съ сосѣдомъ.

— Теперь не передѣлывать, когда дворъ и сѣнцы такъ построены не нами самими, а бариномъ, сказалъ отецъ.

— Да вѣдь если сосѣдъ загорится, то сгоришь и ты...

— Вѣстимо сгоришь. Что жъ дѣлать теперь?.. барину стали не нужны и не жалки, не его крестьяне... Прежде жалѣли, когда мы работали на нихъ, а теперь что насъ жалѣть!.. разсуждалъ мой отецъ.

— Кто твой сосѣдъ? спросилъ я его.

— Пасынковъ Серега. Помнишь ты читалъ, какъ брата его Якова Иванъ Сергѣичъ въ своей книжкѣ-то описалъ? Пѣсельника-то? Ну вотъ онъ самый, а Яковъ-то, слышно, живеть въ Москвѣ у какой-то именитой купчихи въ кучерахъ... Сказываютъ, каждое лѣто деньги женѣ присылаетъ...

— Гдѣ же теперь твои надѣльные поля-то? прервалъ я отца.

— Вонъ подъ Бастыевомъ на глинь-то, по косограмъ да оврагамъ.

— А поля Петровскихъ крестьянъ, что за Окопами, кому поступили?

— Вѣстимо кому, барину.

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ, знаешь, что сдѣлалъ? Я бы всю постройку двора съ болота перенесъ бы вонъ туда на конецъ коноплянника къ пруду, тамъ онъ былъ бы у тебя сухой, постройки бы не гнили, скотъ по колѣно въ грязи не тонулъ бы, завелъ бы побольше навозу, удобрилъ бы коноплянникъ, завелъ бы огородъ, удобрилъ бы его, насадилъ бы десятка два хорошихъ яблонь, какія, помнишь, были у тебя на Петровскомъ, поля бы твои удобрилъ...

— Да ты много понимаешь, да ушелъ Богъ знаетъ куда; ничего тутъ не дѣлаешь, а я слава Богу, 86 лѣтъ все это дѣлалъ, видѣлъ барщину, а теперь вижу и вольницу, наемщину, новыхъ земскихъ приставниковъ къ міру, волости съ ихъ старшинами, старостами, писарями, да теперь понимать пересталъ; мнѣ хотѣлось бы скорѣе и умереть... Ровесники мои давно ужъ глаза закрыли... съ грустью говорилъ отецъ, и голосъ его прервался, такъ что я пересталъ его спрашивать, замѣтивъ, что ему стало грустно и тяжело мое напоминаніе о Петровскомъ. Вскорѣ мы вышли съ нимъ на «выгонъ», по сторонамъ котораго стояли постройки совсѣмъ иного фасона, не крестьянскія.

— Это что же за постройки? спросилъ я отца.

— Это нашъ міръ отвелъ мѣста для дворовыхъ... А вонъ и хоромы «Пярфила» Тимоѣевича!*) указалъ мнѣ отецъ на строеніе, крытое желѣзомъ и стоящее на томъ мѣстѣ, гдѣ при Орнавичномъ прудѣ, рядомъ

Карташев

*) Порфирій Тимоѣевичъ Кудряшевъ, кончившій курсъ на дантиста, былъ ровесникъ Ивану Сергѣевичу и все время служилъ его матери въ качествѣ домашняго врача.

съ молотильными сараями, былъ прежде огромный птичникъ.

На слѣдующій день мы съ Кудряшевымъ сдѣлали въ видѣ экскурсіи прогулку въ Петровское. Дорогой Порфирій Тимоѣевичъ говорилъ о томъ, что дѣлаетъ Николай Сергѣевичъ и что дѣлается съ нимъ. «Умирать собирается, говорилъ Кудряшовъ,—а все строить и никакъ не достроить свой домъ съ башнями и шпицами. Жить въ немъ не живетъ, говорить, черти завелись, не даютъ возможности жить, а что ни годъ, то новыя затѣи съ этимъ домомъ... Жена его Анна Яковлевна не даетъ ему покоя своимъ напоминаніемъ о томъ, что онъ можетъ помереть, а она останется обиженною вдовой, такъ какъ на родовое Тургенево могутъ явиться наслѣдники его дядей.

— Ну, а Иванъ Сергѣевичъ что дѣлаетъ теперь съ своими имѣніями? спросилъ я Кудряшева, подходя къ Орнавичному колодцу.

— Что дѣлаетъ? Пишетъ о русскихъ людяхъ изъ «прекраснаго далека» Франціи... Охоту съ собаками оставилъ, продаетъ понемногу имѣнія, родовое Спасское пустѣетъ, упадаетъ, разрушается какъ и онъ самъ. Вотъ построилъ колодецъ на случай своего пріѣзда, братъ изъ него воду, такъ какъ никакой другой воды пить не можетъ. Иванъ Сергѣевичъ становится характеромъ въ мать свою, которую прежде осуждалъ, напримѣръ, за то, что она не могла пить никакой другой воды, какъ только, изъ Бастыевского ключа. Мать ради дружбы къ г. Б... готова была лишить сыновей наслѣдства, а Иванъ Сергѣевичъ въ мелочахъ, капризахъ и привычкахъ—во всемъ сталъ ей подобенъ. Кадное и Ситово онъ продалъ для того, чтобы Полину Тургеневу выдать замужъ за французскаго фабриканта Шамеро, а Спас-

скіе лѣса—Высокое, Трацкое, Пришнее и Ссѣчки— и лѣса въ жиздринскомъ и малоархангельскомъ имѣніяхъ свель или продалъ для того, чтобы поправить дѣла того же г. Шамеро, пошатнувшіяся или совсѣмъ рушившіяся при Франко-Прусской войнѣ. И повѣрь, продолжалъ Кудряшевъ,—съ остальнымъ состояніемъ Иванъ Сергѣевичъ сдѣлаетъ то, что хотѣла сдѣлать его мать, написавъ завѣщаніе въ пользу своей воспитанницы, Варвары Николаевны; но уже дѣтямъ Тургеневыхъ, племянникамъ и племянницамъ, не владѣть Спасскимъ-Лутовиновымъ!... Да, странное бываетъ превращеніе въ характерахъ людей! Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ, продолжалъ Порфірій Тимоѣевичъ,—пылая гнѣвомъ на французъ, заповолонившихъ Москву, получилъ смертельный ударъ при первомъ извѣстіи о томъ, что Москва сдалась Наполеону; а внукъ его весь отдался Франціи и готовъ тамъ умереть...

Идя къ роднымъ, я подумалъ, что какъ безслѣдно уничтожено мое ребяческое, простое, незатѣйливое, но родное и сердцу милое «гнѣздо,» распахано плугомъ, разскорожено зубьями бороны и засѣяно дятлиной, такъ, пожалуй, по закону «силы и матеріи», и Спасское-Лутовиново «общей не уйдетъ судьбы.»
 Въ 1877 году я услышалъ о смерти Николая Сергѣевича Тургенева, въ селѣ Тургеневѣ, отъ продолжительной болѣзни. Въ прошломъ году услышалъ о смерти Ивана Сергѣевича во Франціи. Противоположность характеровъ двухъ братьевъ, завершившихъ судьбу Лутовиновскихъ имѣній послѣ эманципаціи крестьянъ, и тутъ сказалась: Иванъ Сергѣевичъ простилъ своимъ крестьянамъ дополнительный платежъ, Николай Сергѣевичъ держалъ крестьянъ на оброкѣ; Иванъ Сергѣевичъ нѣтъ-нѣтъ да дастъ бы-

вало своимъ мужичкамъ десятинку или двѣ «лѣску», Николай Сергѣевичъ—ни разу. Далѣе: жили они разное и разное померли: Николай Сергѣевичъ прожилъ много имѣній въ *свое* удовольствіе, Иванъ Сергѣевичъ—*ради счастья другихъ*. Николай Сергѣевичъ все оставшееся состояніе передалъ своей женѣ, Аннѣ Яковлевнѣ, а послѣдняя, въ свою очередь, племянницѣ своей, по мужу Маляревской; Иванъ Сергѣевичъ—прямо передалъ своей дочери Полинѣ Тургеневой, по мужу г-жѣ Шамеро. ?

Упомянуть здѣсь о судьбѣ воспитанницы Варвары Петровны, Варвары Николаевны, можно только то, что она, по полученіи части наслѣдства, пожелала окончить курсъ въ частномъ пансіонѣ и затѣмъ выйти замужъ. Такъ дѣйствительно и случилось: курсъ она окончила въ Москвѣ у г-жи Кноль, а замужъ вышла за рязанскаго помѣщика.

VI.

Такъ кончилось Лутовиновское «дворянское гнѣздо,» его «отцы и дѣти» и уже ли въ результатѣ получатся одни «призраки» и «дымъ»?

Но сердцу моему остались дороги воспоминанія: о *Петровскомъ*, какъ о моей родинѣ, *Варваръ Петровнъ* Тургеневой, урожденной *Лутовиновой*, положившей начало моей грамотности, о *Николаѣ Николаевичѣ Тютчевѣ*, призвавшемъ меня къ продолженію начатой грамотности, и объ *Иванѣ Сергѣевичѣ Тургеневѣ*, согласившемся, по предложенію г. Тютчева, отдать меня докончить образованіе въ Горыгорѣцкомъ «разсадникѣ.» Всѣ мои воспоминанія я завершилъ тѣмъ, что внесъ въ Спасскую-Лутовиновскую церковь на вѣчныя времена сторублевую облигацію втораго Восточнаго займа (серія № 084.447) съ тѣмъ, чтобы

на проценты совершалось въ извѣстные дни поминовѣніе „рабы Божіей боярыни Варвары и рабовъ Божіихъ бояръ Іоанна и Николая.“

Николай Николаевичъ Тютчевъ, какъ членъ Совѣта Департамента Удѣловъ, скончался въ Петербургѣ и погребенъ на Волковомъ кадрищѣ Николай Николаевичъ Тургеневъ въ послѣднее время управленія Спасскимъ - Лутовиновымъ, обратившись въ „Скупago Рыцаря,“ вмѣсто дровъ топилъ печи «попынью», обильно и роскошно растущей на копаныхъ чапыгинскихъ поляхъ, а затѣмъ предъ смертью года за три, обратился въ дѣтство, такъ что не переставалъ ножницами рѣзать бумагу на длинныя «ленты». Онъ скончался въ тульскомъ имѣніи своего зятя.

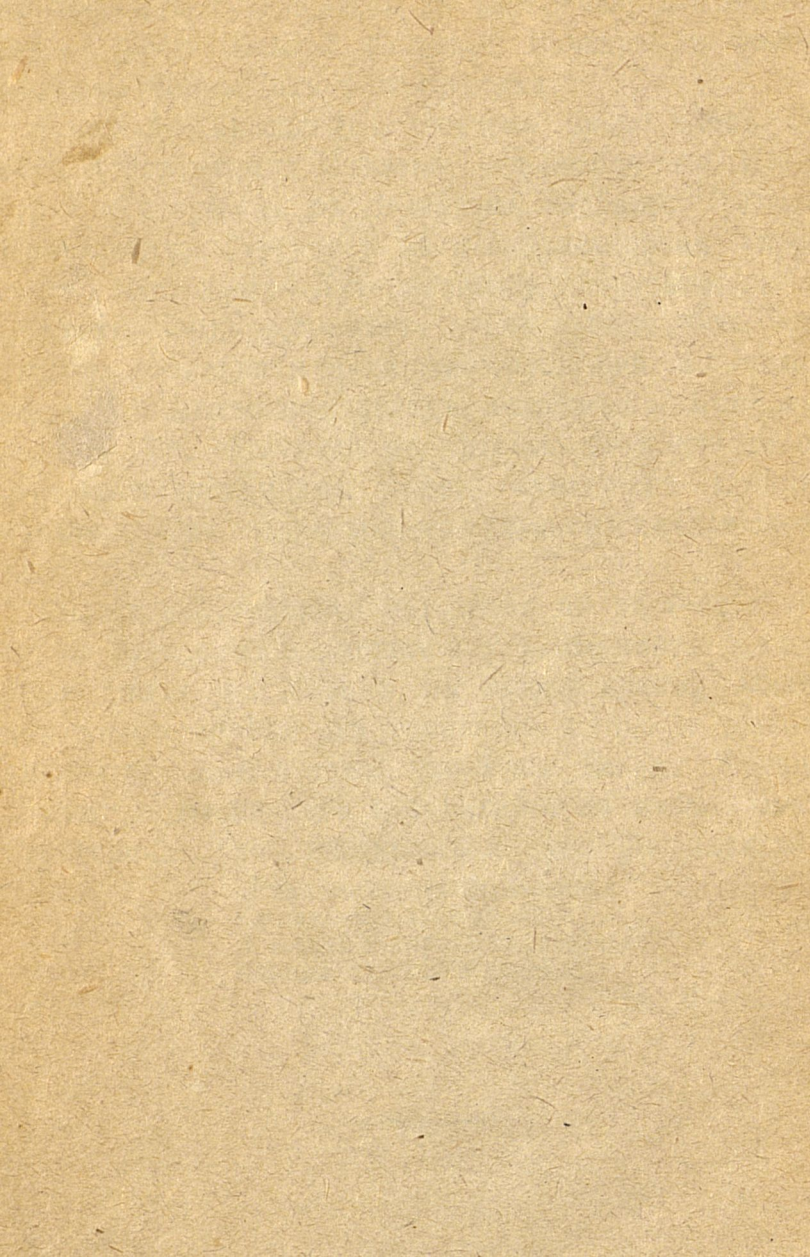
Спасское-Лутовиново находится въ настоящее время въ арендномъ содержаніи у г. Щепкина. Но прошлую зимой, въ Москвѣ, въ вагонѣ конной желѣзной дороги сидѣли два тамбовскіе купца и толковали между собой о томъ, что г-жа Віардо „французенка“ подыскиваетъ покупателей на имѣнія Ивана Сергѣевича. Тутъ вспомнилъ я слова Державина:

„Рѣка въ своемъ стремленіи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей..“

О. Б—ъ.

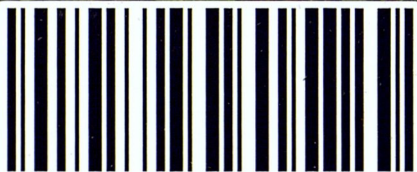
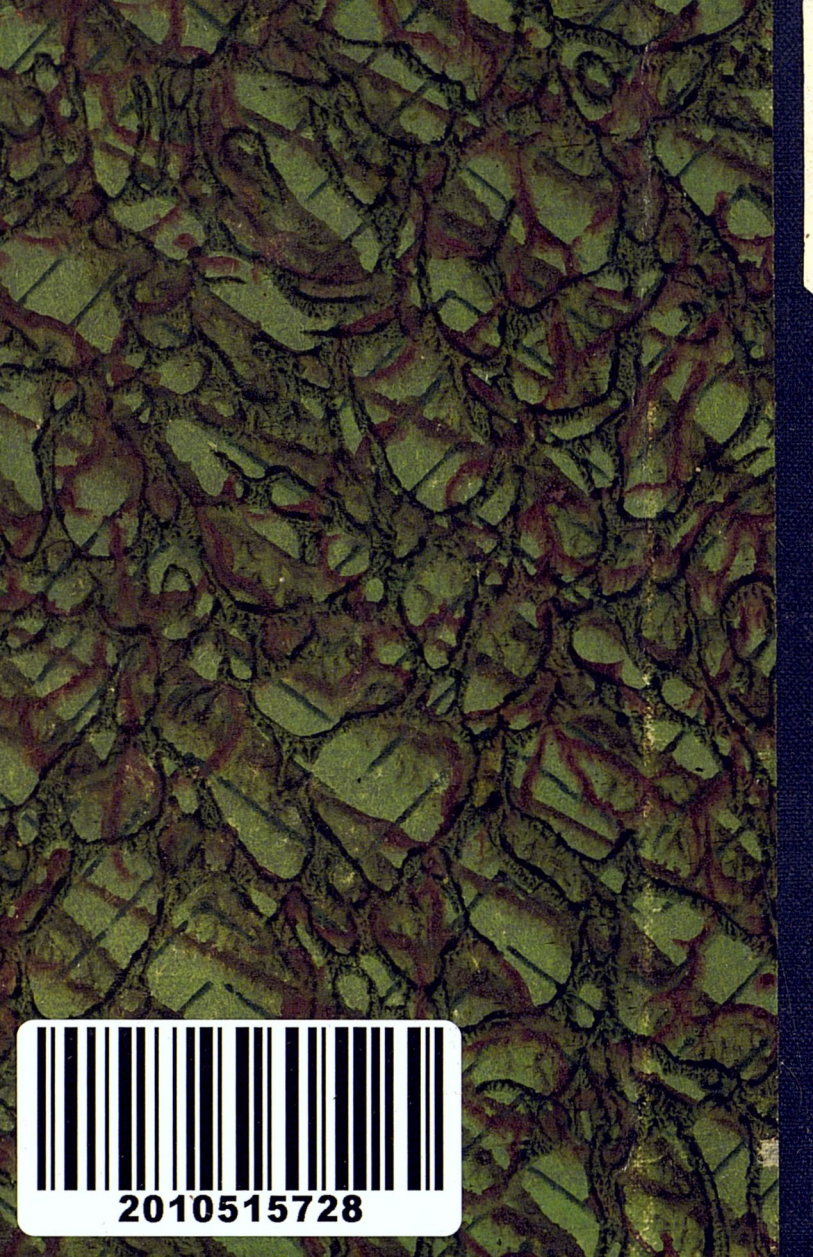

- 15 ЯНВ 1945

2010515728